литературное
НОВОЕ
обозрение

Содержание № 142 [6'2016]

РАБСТВО КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Специальный выпуск. Том II

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РАБСТВА — II

7 *Аманда Брикелл Беллоуз.* Двойной портрет бывших невольников. Изображение крепостных крестьян и рабов в живописи России и Америки, 1861—1905 (*пер. с англ.* Марии Козловой)

26 *Анке Гизен, Андрей Завадский, Артем Кравченко.* Между рабским трудом и социалистическим строительством. Заметки о том, как в экспозициях некоторых российских музеев репрезентирован труд заключенных Гулага

45 *Маркус Вуд.* Упаковывая и продавая свободу: 1807 год и историческое значение сундука Кларксона (*пер. с англ.* Марии Козловой)

63 *Оксана Мороз*. Рабство как травма: настройка оптики (Рец. на кн.: Slavery in Art and Literature: Approaches to Trauma, Memory and Visuality / Eds. B. Haehnel, M. Ulz. Berlin: Frank-Timme, 2010; Representations. 2011. Vol. 113. № 1: New World Slavery and the Matter of the Visual)

КОММЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

78 *Герт Остинди*. Возвращенная история Нидерландов: постколониальные миграции и новая правда о рабстве (*пер. с англ.* Нины Ставрогиной)

93 *Андре Чикало*. От социальной амнезии к социальной памяти: повторное открытие историко-археологического наследия рабства в Рио-де-Жанейро (*пер. с англ.* Нины Ставрогиной)

110 *Елена Филиппова, Василий Филиппов*. Скованные одной цепью. Память о рабстве и национальная история Франции

129 *Александр Дмитриев*. После освобождения: «Великие реформы» и хрущевская оттепель в перспективе российской исторической мысли

167 *А.И. Рейтблат*. Нужна ли россиянам свобода? Обзор публикаций, посвященных 150-летнему юбилею освобождения крестьян

181 *Алексей Васильев*. Невольники памяти и работа освобождения (Рец. на кн.: Reinhardt C.A. Claims to Memory: Beyond Slavery and Emancipation in the French Caribbean. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006; Slavery and Public History: The Tough Stuff of American Memory / Eds. J.O. Horton, L.E. Horton. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009; Araujo A.L. Shadows of the Slave Past: Memory, Heritage, and Slavery. N.Y.; L.: Routledge, 2014)

РАБСТВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

197 *Сергей Антонов*. Законы рабства или рабство законов? Крепостничество как правовая система

213 *Пол Финкельман*. Как американский закон и Конституция США определяли рабство (*пер. с англ.* Кристины Сарычевой под ред. Николая Поселягина)

249 *Кейла Гринберг*. Рабство, либерализм и гражданское право в Бразилии (*пер. с англ.* Натальи Мовниной)

РАБСТВО И ИНСТИТУЦИИ

266 *Марк Буггельн.* Рабство и тюремно-лагерные системы в XIX и XX столетиях: от частновладельческого рабства к государственному и обратно (*пер. с англ.* Нины Ставрогиной)

292 *Мария Майофис.* Пансионы трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954—1964 годах

325 *Андрей Кабацков, Олег Лейбович.* «По духу времени и вкусу...»: доцент как невольник

349 *Александр Гольц.* Общероссийское военное тягло

369 *Екатерина Лапина-Кратасюк.* История рабства как «аттракцион» для туриста (Рец. на кн.: Slavery, Contested Heritage, and Thanatourism / Eds. G.M.S. Dann, A.V. Seaton. N.Y.: Routledge, 2015)

РАБСТВО И МОДУСЫ СОЦИАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

375 *Томаш Зарицкий.* Могут ли договориться между собой польский «пан» и польский «хам»? Интеллигентские споры о наследии крепостного права и его символических остатках в Польше (*пер. с польск.* А.И. Рейтблата)

389 *Вадим Михайлин.* Лукавый и ленивый: раб как антропологическая проблема

425 *Иван Курилла.* Рабство, крепостное право и взаимные образы России и США

441 *Илья Калинин.* «Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался»: Рабы, самодержцы и самозванцы (диалектика власти)

465 Наши авторы

467 Summary

474 Table of contents

476 Our authors

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор) *канд. филол. наук*

Николай Поселягин (теория) *канд. филол. наук*

Татьяна Вайзер (история) *канд. филос. наук; PhD*

Александр Скидан (практика)

Абрам Рейтблат (библиография) *канд. пед. наук*

Владислав Третьяков (библиография) *канд. филол. наук*

Кирилл Корчагин (хроника научной жизни) *канд. филол. наук*

Редколлегия

Константин Азадовский
кандидат филологических наук

Хенрик Баран
PhD. Университет штата Нью-Йорк в Олбани, профессор

Николай Богомолов
доктор филологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор

Татьяна Венедиктова
доктор филологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор

Елена Вишленкова
доктор исторических наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор

Томаш Гланц
PhD. Университет им. Гумбольдта, профессор / Карлов университет в Праге, профессор

Ханс Ульрих Гумбрехт
PhD. Стэнфордский университет, профессор

Александр Жолковский
PhD. Университет Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе, профессор

Андрей Зорин
доктор филологических наук. Оксфордский университет, профессор / Московская высшая школа социальных и экономических наук, профессор

Борис Колоницкий
доктор исторических наук. Европейский университет, профессор / Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник

Александр Лавров
доктор филологических наук, академик РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом), ведущий научный сотрудник

Джон Малмстад
PhD. Гарвардский университет, профессор

Александр Осповат
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор

Пекка Песонен
PhD. Хельсинкский университет, заслуженный профессор

Олег Проскурин
кандидат филологических наук. Университет Эмори (США), профессор

Роман Тименчик
кандидат филологических наук. Еврейский университет в Иерусалиме, профессор

Александр Эткинд
PhD. Кингс-колледж Кембриджского университета, профессор

Михаил Ямпольский
доктор искусствоведения. Нью-Йоркский университет, профессор

Андрей Кабацков, Олег Лейбович

«По духу времени и вкусу...»:

ДОЦЕНТ КАК НЕВОЛЬНИК

Andrey Kabatskov, Oleg Leibovich

"By Zeitgeist and taste…": The Associate Professor as Slave

Андрей Кабацков (НИУ ВШЭ, Пермь; доцент социально-гуманитарного факультета; кандидат исторических наук) afsnik@gmail.com.

Олег Лейбович (Пермский государственный институт культуры; профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии; доктор исторических наук) oleg.leibov@gmail.com.

Ключевые слова: российское образование, университет, порабощение, эмансипация, автономия университетов, статус преподавателя

УДК: 316.3+93

В контексте исторической концепции закрепощения и раскрепощения сословий (С.М. Соловьев — А.Д. Градовский) рассматривается эволюция социального статуса университетского преподавателя в России в последние столетия. Для описания зависимого состояния доцента в вузе используется метафора «невольник», посредством которой обозначаются административный произвол, распространение подданнической культуры в университетской среде и сокращение возможностей профессиональной самореализации. Ведущим агентом закрепощение университетских преподавателей представлена администрация вузов, выражающая одновременно ведомственную власть и собственные социальные амбиции. Ключевые слова: российское образование, университет, ученое сословие, закрепощение – раскрепощение, автономия вузов, статус преподавателя,

Andrey Kabatskov (HSE, Perm; assistant professor, Faculty of Social Science and Humanities; PhD) afsnik@gmail.com.

Олег Лейбович (The Perm State Institute of Art and Culture; professor, head of Department of Cultural Studies and Philosophy; Dr. habil.) oleg.leibov@gmail.com.

Key words: Russian education, university, enserfment, emancipation, autonomy of universities, professor's status

UDC: 316.3+93

In the context of the historical concepts of the enslavement and emancipation of social groups (S.M. Solovyov — A.D. Gradovsky), Kabatskov and Leibovich examine the evolution of the social status of the university lecturer in Russia over the past century. They use the term 'slave' [*nevol'nik*] to describe the dependent position of the assistant professor; the word encapsulates administrative tyranny, the spread of 'subject' mentality in university contexts and the curtailment of opportunities for professional self-realization. The authors present the university administration as the main agent of assistant professors' enslavement — administrators simultaneously represent bureaucratic power and their own social ambitions.

«Звание профессора считалось гораздо выше всех чинов...»?

В январе 1953 года академик Лев Давидович Ландау сказал своему собеседнику: «Я низведен до уровня "ученого раба", и это все определяет...»[1] Называя себя рабом, советский физик высокого ранга вряд ли был строг в определе-

1 Справка по материалам на академика Ландау Льва Давыдовича. 1957. 19 декабря. Л. 7 (http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/sovter74/land-17.pdf).

ниях. Раб — здесь не социально-экономическая категория в духе Т. Моммзена или В.В. Струве [Момзен 1937—1941; Струве 1934]. Это скорее метафора, яркий образ, с помощью которого Ландау передавал свои безрадостные настроения по поводу бесправия, зависимости и необеспеченности своего положения в советском обществе. Слово, однако, было произнесено, и оно явно произвело впечатление на осведомителя (запомнил и донес куратору)[2], а затем и оперативного работника: вставил в формуляр, откуда его через четыре года извлекли составители «Справки».

Более века назад другой русский профессор — не физик, а историк — говорил студентам: «Что уже мне и делать с вами, государи мои! Все вы люди богатые и знатные; выйдете в генералы, приедете ко мне и скажете: “Ты дурак, Черепанов!”» [Дмитриев 1998: 121]. Слово «дурак» в те времена было близко по значению слову «шут». Так, в Толковом словаре В.И. Даля читаем: «Шут <...> — человек, промышляющий шутовством и дурачеством, на смех и потеху людям» [Даль 2006: 630][3]. Шут, конечно же, не раб, но и не свободный человек — и уже в любом случае лицо, недостойное уважения.

Официальный документ, исходящий от «высшей» полиции империи — III отделения, толкует о том же самом:

> Положение русских профессоров было самое жалкое, как в отношении жалованья, так и выгод, доставляемых службою, и потому только и существовали они частными уроками по домам и пансионам. Но истрачивая время на уроки для приобретения пропитания, они не успевали следовать за ходом наук и оставались всегда позади. Оттого в русских университетах и других заведениях науки преподавались по обветшалой методе и успехи в науках были слабы, а недостаток в хороших преподавателях становился беспрерывно ощутительней [РпН 2006: 210].

Было бы соблазнительно прочертить прямую линию от жалкого до рабского положения отечественной профессуры в XIX—XX столетиях, а затем пунктиром протянуть до нынешнего его состояния. Однако одно замечание В.Н. Ипатьева, знаменитого русского химика, относящееся к девяностым годам XIX века, ставит под сомнение такую конструкцию. Вспоминая спустя годы о своей стажировке в лаборатории авторитетнейшего германского естествоиспытателя — изобретателя аспирина, он упоминает о странностях большого ученого:

> Байер держался очень гордо, имел генеральский вид, и мы все должны были называть его «Herr Geheimrat» (г. тайный советник), а не «г. профессор», что было для меня необычно, так как в России звание профессора считалось гораздо выше всех чинов [Ипатьев 1945: 167].

Замечание *генерал-лейтенанта русской императорской армии* В.Н. Ипатьева — человека, отнюдь не безразличного к карьерным достижениям, заслу-

---

2 Можно было бы предположить, что рапорта не было и монолог Л.Д. Ландау был записан так называемой «оперативной техникой», также упомянутой в Справке, но в таком случае обязательно был бы назван по имени собеседник «антисоветски настроенного» физика.

3 В XVIII веке при дворах Петра и Анны «дурак — это смешной человек, шут, обязанный развлекать царственную особу», такой же раб, как и остальные подданные [Анисимов 2004: 81].

живает внимания. Оно сообщает, что профессор императорских университетов в царствование Николая II имел статус не меньший, нежели статский генерал — «его превосходительство» по официальному титулованию, получавший вместе с чином и право на потомственное дворянство. В ранговом обществе, каким оставалась Российская империя, профессура — пусть только в общественном мнении — приравнивалась к верхам бюрократической пирамиды. Гордые носители высокого академического звания совсем не походили на своих предшественников, которые «носили убогие фризовые шинели из толстой, весьма ворсистой байки и “имели вид преследуемых судьбою париев”» [Экштут 2011: 20][4].

С середины 1930-х годов советские обладатели восстановленных ученых степеней и званий пользовались значительными социальными привилегиями, соответствующими духу и нравам эпохи: *их чаще одевали* и лучше кормили. Так, в годы войны они получили по приказу Наркомторга СССР право на дополнительный паек — так называемое «литерное питание»[5]. В 1946 году академическим сотрудникам и работникам вузов — профессорам и доцентам — были установлены высокие должностные оклады. Профессор получал заработную плату вдвое большую, чем секретарь горкома ВКП(б) и даже начальник отдела областного управления МГБ: «...уровень доходов научных работников, особенно с учетом возможных дополнительных заработков, намного превышал доходы представителей массовых интеллигентских профессий» [Зезина 1997: 22; 2009]. Это позволяло некоторым из них нанимать домашних учителей, не отпускать ребенка в школу, «чтобы он там не разложился»[6].

Не будем упускать из виду, что реплика Л.Д. Ландау относится к тому же времени. Именуя себя «рабом», он и своих коллег по научному цеху называл «проститутками и ничтожествами»[7]. Так что он имел в виду не только свой сомнительный статус «лица еврейской национальности», вынужденного усердствовать «над бомбой гробовой» (Ю. Визбор), но и в целом положение ученого сословия, в том числе естествоиспытателей. За высокие должностные оклады, упорядоченный быт научные работники расплатились принудительным изъя-

---

4 О социальном статусе «ученого сословия» в Российской империи см. также: [Дмитриев 2012; Вишленкова, Савельева 2013; Хартанович 1999; Зипунникова 2010].

5 В 1943 году лауреат Сталинской премии Аксельрод жаловался в Молотовский обком ВКП(б) на то, что у него отняли положенные ему льготы: «Облторготдел отказал не только в выдаче литерного питания, но и лишил пайка, которого (!) получал по приказу 170. И выходит, что лауреатам — научным работникам пайки увеличиваются, а лауреату-изобретателю урезается. Здесь в Молотове я один лауреат рабочий изобретатель, а изобретенный мной автомат для цепочек Галля — один в Союзе. <...> Если я выйду из строя, никто меня не заменит» (Аксельрод — Гусарову. 1943. 7 августа // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 152. Л. 11—11 об.). Обком просьбу лауреата исполнил и предложил: «...тов. Аксельрод Г.С. обеспечить литерное питание и выдачу сухого пайка по новому приказу Наркомторга наравне с прочим указанным контингентом, включенным Вами на снабжение» (Клепиков — Васильевых. 1943. 14 августа // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 152. Л. 19).

6 «Вместо того, чтобы помочь поднять советскую школу до нужного нам уровня, делали попытку учить детей вне ее. Так ведь было дело. /Голос с места — О ком вы говорите?/ <...> Это имело место среди некоторой профессуры», — читаем в протоколе партийного собрания провинциального мединститута. Протокол партийного собрания парторганизации Молотовского медицинского института (1947. 12—13 сентября) // ПермГАНИ. Ф. 6179 Оп. 1. Д. 2. Л. 82).

7 Справка по материалам на академика Ландау... Л. 2.

тием прежней традиции, дающей им право на относительно автономное существование в новом мире[8].

В тридцатые годы власть конструировала парадигму гуманитарного знания. Принципы ее строительства сформулировал Сталин, объясняя смысл подготовки «Краткого курса истории ВКП(б)»: «...на основе исторических фактов, которые не выдуманы, которые существовали, продемонстрировать основы марксизма-ленинизма и видеть, как марксизм-ленинизм себя проявлял на протяжении десятилетий истории ВКП(б)» [Зеленов, Бранденбергер 2014: 455]. Иначе говоря, теоретическая модель задана, нужно лишь иллюстрировать ее фактами. Впрочем, сама модель отличалась двойственностью: концептуальное ядро ее было облечено в идеологическую форму[9]. Как она реализовывалась на практике, можно видеть на примере партийного дела профессора Пермского сельхозинститута Монастырева: его исключили из рядов ВКП(б), поскольку он попытался применить простейший экономический анализ для описания последствий отмены карточной системы и повышения цен на продукты питания[10].

---

8 Тот же В.Н. Ипатьев, долгие годы бывший советским академиком, вспоминал в эмиграции о своем приятельстве с народовольцем, только что вышедшим по амнистии из Шлиссельбурга: «Вот хороший пример той свободы, которая имела место при царском правительстве: на казенной квартире военного профессора Артиллерийской академии бывает в гостях бывший революционер, каторжанин, и эти свидания не вызывают со стороны властей никаких подозрений, а тем паче репрессий. Какое наказание получил бы я при правительстве большевистском, если бы принимал у себя на квартире и был бы дружен с крайним правым монархистом?» [Ипатьев 1945: 354—355].

9 Так, «советское литературоведение строилось на марксизме. В марксизме сосуществовали метод и идеология. Методом марксизма был диалектический и исторический материализм. Материализм — это была аксиома: “бытие определяет сознание”, в том числе и носителя культуры — поэта и читателя. Историзм — это значило, что культура есть следствие социально-экономических явлений своего времени. Диалектика — это значило, что развитие культуры, как и всего на свете, совершается в результате борьбы ее внутренних противоречий. А идеология учила иному. История уже кончилась, и начинается вечность идеального бесклассового общества, к которому все прошлое было лишь подступом. Все внутренние противоречия уже отыграли свою роль, и остались только внешние, между явлениями хорошими и плохими; нужно делить культурные явления на хорошие и плохие и стараться, чтобы хорошие были всесторонне хорошими и наоборот. Абсолютная истина достигнута, и владеющее ею сознание теперь само творит новое бытие» [Гаспаров 1997: 485—486].

10 Процитируем показательное решение партийного собрания Пермского сельхозинститута, датируемое декабрем 1934 года: «На собрании научных работников в своем докладе об итогах Пленума [профессор Монастырев] отстаивал тезис о том, что отмена карточной системы и переход к свободной торговле хлебом и другими продуктами повлечет за собой ухудшение материального положения и понижение реальной заработной платы у отдельных категорий рабочих и служащих. Несмотря на категорическое возражение о неправильности такого взгляда со стороны партчасти научных работников (Рягилев, Аблизин) и беспартийного — Бородина, в заключительном слове не только не отказался от своих тезисов, но и допустил резкую полемику — углубляя и развивая этот тезис, стал приводить примеры, что если сейчас можно купить за одну цену два пуда пшеничной муки, то с 1 января на эту цену можно купить только один пуд. На заседании парткома, совместно с партактивом от 19/XII и в своем первом выступлении не только не признал своих ошибок, но и пытался обосновать их теоретически. <...> В своем выступлении на открытом партсобрании существо решений пленума свел к мещанским, обывательским подсчетам, исходя из личных интересов, смазывая принципиальное решение. Общее собрание отмечает, что антипартийное поведение и упорное нежелание признать своих ошибок по решению пленума ЦК

В первое десятилетие после войны власть проделала ту же процедуру с естественными науками — биологией, химией, медициной [Есаков, Левина 2001]. Без специализированного языка, без хранимых ценностей, без права на индивидуальный и корпоративный поиск, вырванные из системы международного обмена информацией, научные работники стремительно превращались в сугубо бюрократическую прослойку дипломированных служащих с повышенными окладами. Так что передовой советский ученый образца 1949 года разве что по своему имущественному положению, да еще по ранговым номинациям напоминал своего дореволюционного предшественника.

И только в последние советские десятилетия научное сообщество «физиков», лояльное по отношению к системе, обрело высокий престиж в обществе, а с ним и некоторые черты автономности. Идентифицировать себя с «дураками», «рабами», а тем более — «с ничтожествами» они уже не хотели и не могли. Самоирония, конечно, допускалась («а доцент тупой»), но она только подчеркивала осознание высокого и, главное, устойчивого статуса человека науки в эпоху позднего социализма — времени, о котором сегодня в среде научных работников принято вспоминать с ностальгическим чувством.

«Сословия есть везде...»

Попытаемся найти объяснительную модель, позволяющую понять, как происходили перемены в социальном статусе профессоров в российском обществе. На наш взгляд, решению этой задачи более всего соответствует старая концепция С.М. Соловьева — А.Д. Градовского закрепощения и раскрепощения сословий. В современной отечественной историографии все большим признанием пользуется старая идея, согласно которой в России были закрепощены все сословия — от дворянства до крестьянства. Причем полное подчинение служилого сословия государю по времени даже опережало процесс окончательного прикрепления крестьян к земле [Прусская 2013: 115].

В исследованиях Б.Н. Миронова закрепощение сословий предстает естественным историческим процессом, заданным спецификой российской государственности — слиянием власти и собственности, в первую очередь на землю [Миронов 1999]. Для того чтобы принять эту объяснительную модель, необходимо, как минимум, обнаружить в российском обществе XIX—XXI столетий феодальные структуры и найти сословные черты в университетском и академическом сообществе.

Совсем недавно проблематика феодализма для описания современности имела маргинальный статус в социологическом сообществе. Ситуация изменилась в последнее десятилетие. Исследования современного феодализма пока не стали мейнстримом социологического знания, однако в дискуссии о характере социальных отношений в нынешней России они уже представ-

---

и что необходимые меры партийного воздействия приняты, собрание постановляет: Монастырева из членов партии исключить» (Протокол общего открытого партсобрания [СХИ], состоявшегося 21/XII 1934 г. Копия. Машинопись // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 832. Л. 27—28). Монастырева исключили из партии за то, что он позволил себе указать как на само собой разумеющееся: при повышении цены на хлеб рабочие с низкими доходами и большой семьей — «многоедацкие семьи» (Монастырев) — будут меньше потреблять.

лены. Так, по версии Вл. Шляпентоха, чтобы понять постсоветское общество, необходимо использовать «феодальную модель», поскольку именно она «во многих отношениях является более эффективным инструментом для понимания России» [Шляпентох 2008: 37]. Объявляя себя последователем политической теории феодализма, ученый обнаруживает в современной действительности такие его признаки, как слабость центральной власти и в высокой степени «автономи[ю] нескольких действующих лиц политической сцены» [там же: 47]. По словам другого исследователя, С. Кордонского:

> У нас есть локальные, ничем не связанные, сообщества, ничего не знающие друг о друге. Их интегрирует телевизионная картинка. Можно ли это назвать народом — я не знаю [Кордонский 2004].

> Можно ли существующую систему назвать феодализмом? Нежелательно. Феодализм — категория историческая, она указывает на прошлое. А это — наша реальность. <...> Естественной формой жизни в российском пространстве является поместье, поместная форма. Поэтому главным социальным слоем в России были, есть и будут помещики <...> Сословия есть везде, но у нас все же особая ситуация. Власть, например, находится у нас в сословной, а не в политической структуре [Кордонский 2009].

Вряд ли можно признать эти аргументы сильными, однако обратить на них внимание следует, хотя бы потому, что в нашей культуре и прошлых десятилетий, и сегодняшней велико влияние традиционализма: в поведенческих практиках, оценочных суждениях, в представлениях о мире и о собственной персоне. «Традиционалистские структуры начинают играть особую роль в эпохи значительных общественных перемен, — замечает исследователь современного патернализма. — Обращение к ним связано, по-видимому, с тем, что они уже пройдены, изучены, доказали свою эффективность, возможность организовать социальную практику относительно простыми и ясными для всех ее участников методами» [Шушкова 2010: 247]. Тяга к традиционализму в публичной риторике является не чем иным, как отражением соответствующих практик в управлении, в социальных коммуникациях, в поведенческих стратегиях.

Согласимся с С. Кордонским:

> Российская история никак не может стать собственно историей. Уже много лет она политически актуальна. И действительно, несмотря на то что эпохи перемен уже в который раз переходят в эпохи застоев, а государство то распадается, то собирается вновь, Салтыков-Щедрин остается современным писателем, путевые заметки маркиза де Кюстина читаются как репортажи, письма Чаадаева политически актуальны [Кордонский 2007: 5].

Обратим внимание и на такое замечание исследователя: «Феодализм — категория историческая». В России XXI века все то, что мы называем феодальным, представляет собой либо реликтовые образования, сохранившиеся в социальной памяти и вернувшиеся в актуальную культуру в ситуации разрушения социалистического советского мира, либо социальную форму вызревания и функционирования новых, по сути, буржуазных институтов общества модерна, либо особые уклады в нем [Шушкова 2010]. И если мы признаем существование феодальных структур в современной социальной организации

общества, то, стало быть, получаем право рассматривать существующее научное сообщество как особое сословие, приняв во внимание важное уточнение С.М. Соловьева о характере сословной идентичности в старой России. Внутри этой идентичности

> не выработались известные сословные группы, крепкие своей внутренней сплоченностью, сознанием своих общих интересов, своих прав, определенностью своих отношений друг к другу, сознанием, которое могло поднимать нравственно каждого члена такой группы, сильного не личной силой, но своей крепкой связью с сочленами своими при равенстве между ними [Соловьев 1984: 63][11].

Вслед за российским законодательством XIX века мы также можем назвать российскую профессуру «ученым сословием» [Вишленкова, Савельева 2013][12]. Мы, естественно, учитываем то обстоятельство, что в современной социальной структуре сословие есть лишь иное наименование профессиональной группы академических (вузовских) работников, обладающих сходным самосознанием, представлением о своей высокой социальной миссии, общими традициями и культурной памятью о заслуженных привилегиях. Но и в его истории процессы закрепощения и раскрепощения, по определению А. Медушевского, представляли собой основной «механизм перестройки социальных отношений» [Медушевский 2007: 192].

В разные исторические эпохи, и это следует подчеркнуть, подобные процессы могут протекать особым образом, так что мы не вправе отождествлять мастеровых XVIII века, ставших сословием вечноотданных по указу Анны Иоанновны в 1736 году, с советскими рабочими и служащими, которым соответствующим указом Президиума Верховного Совета СССР два века спустя, в 1940 году, запретили «самовольный уход <...> из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое» [Указ 1940][13]. Экспрессивное высказывание о преподавателях РГГУ, обнаруженное нами в Фейсбуке: «...в их альма-матер есть такой монстр, который их перевел уже в состояние крепостных»[14], не следует понимать буквально: местную профессуру не обязали потомственной службой при университете и не изъяли у нее паспорта. Правда, дополнительными повинностями обложили.

Отметим, прежде всего, циклический характер названных процессов: за одно-два поколения можно наблюдать полный оборот статусов ученого сословия от крепостного состояния к гражданственному, а затем снова к крепостному. В этом движении можно обнаружить как согласованность с общими социальными тенденциями в эволюции большого общества, так и институциональную специфику. Системы науки и образования обладают высокой сте-

---

11 Ср. высказывание профессора Я.: «Мы очень редко видимся, и иногда я могу коллег не видеть месяцами, если не совпадают расписания. Это, наверное, основная причина того, что не складываются какие-то более тесные, может быть, профессиональные даже контакты» (Глубинное интервью с Я. Проект «Исследование профессиональных сообществ» / Рук. О. Лейбович, Н. Шушкова. Пермь, 2007).

12 Далее в тексте мы будем употреблять термины «научное сообщество», «ученое сословие», «академическое сообщество», «профессорский корпус» как синонимы, так же как и номинации ученых званий: профессор, доцент, научный работник и т.п.

13 Подробнее см.: [Киселев 2015: 482; Filtzer 1996].

14 «Фейсбук» Сергея Эрлиха (запись от 11 ноября 2015 года).

пенью инерционности. Нужно также принять во внимание и известную спонтанность социального движения. Властные импульсы, определяющие вектор изменений, со временем закрепляются в культурных установках ученого сословия: в поведенческих нормах, ценностных ориентациях, в описаниях собственной идентичности и т.п. И когда импульсы затухают или замещаются противоположными, профессорский корпус продолжает какое-то время жить по старым правилам, практикуя освоенные поведенческие модели.

В позднем советском обществе научные работники входили в несколько социальных групп:

(1) в высшую номенклатуру, неточно называемую элитой (к ней принадлежали руководители академических институтов, главы больших лабораторий, относящихся к военно-промышленному комплексу, действительные члены и члены-корреспонденты союзной Академии наук);

(2) в советский средний класс (в его высший слой — университетская профессура, руководители отраслевых научно-исследовательских институтов; в средний — вузовские доценты, старшие научные сотрудники; в низший — младшие научные сотрудники, инженеры-исследователи, аспиранты).

За принадлежность к советскому среднему классу научное сообщество платило невысокую цену: люди этого круга должны были проявлять лояльность политическому режиму — держаться в стороне от криминальных практик, дистанцироваться от диссидентства; не допускать публичной критики советской системы, быть включенными в сеть политического просвещения; не отказываться от предлагаемого членства в партии, преподавать по министерским программам и участвовать в государственных научных проектах. В обмен они получили возможность устанавливать горизонтальные профессиональные связи (участвовать в научных семинарах, конференциях, обменах); обретали право на собственный научный язык, были ограждены от назойливого и некомпетентного вмешательства в научные дискуссии, если они не касались идеологических основ советского партийного строя. Наконец, в регламентированном обществе ученые пользовались, наверное, самой большой привилегией — возможностью распоряжаться собственным временем: в академических институтах были установлены присутственные дни — один или два в неделю, в университетах практиковалась щадящая учебная нагрузка для лиц, облеченных профессорским званием. При относительно высокой заработной плате «остепененных» преподавателей и научных сотрудников (начальник цеха на крупном производстве получал примерно столько же) все это, вместе взятое, обеспечивало престижный социальный статус в позднем советском обществе. От принятия политических решений ученые были, однако, отстранены[15]. Вряд ли

15 В воспоминаниях А.Д. Сахарова есть любопытный эпизод. После успешных испытаний ядерного оружия был банкет, на котором автором был предложен тост: «“Я предлагаю выпить за то, чтобы наши изделия взрывались так же успешно, как сегодня, над полигонами и никогда — над городами”. За столом наступило молчание, как будто я произнес нечто неприличное». Сахарову ответил маршал Неделин бородатым и неприличным анекдотом, нехитрый смысл которого сводился к словам: вы, ученые, укрепляйте, а направить мы сами сумеем. «Маршальская притча не была шуткой, — продолжает Сахаров. — Неделин счел необходимым дать отпор моему неприемлемому пацифистскому уклону, поставить на место меня и всех других, кому может прийти в голову нечто подобное. Смысл его рассказика (полунеприличного, полубогохульного, что тоже было неприятно) был ясен мне, ясен и всем присутствующим.

это обстоятельство вызывало недовольство у людей, сознательно или нет, но дистанцировавшихся от политики. Но вот ощущение социального бессилия — возможности что-либо изменить в системе порождало, однако, ощущение безнадежности. Кафедры и отделы превращались в замкнутые, закрытые пространства — своеобразные гетто, где воспроизводилась «тяжелая нравственная атмосфера» [Аврус 2005: 145]. Она свидетельствовала о том, что потенциал раскрепощения ученого сословия в советских условиях был исчерпан.

«Профессор! Ты убог..»[16]

В 1990-е годы российские вузы получили из рук государства экономические и академические свободы: право на открытие новых специальностей (направлений), возможность преподавания по собственным программам, разрешение на коммерческую деятельность в образовании и науке, поощрение международных связей. Отметим, что процесс эмансипации научного сообщества на рубеже 1980—1990-х годов совпал с его пауперизацией: оба этих процесса были обусловлены одними и теми же социальными причинами, развивались синхронно и, в конечном счете, предопределили исход этой ситуации — возвращение в крепостное состояние.

В отличие от заводов, промышленных предприятий, проектных и исследовательских институтов, в вузах сохранился привычный распорядок деятельности. Студенты присутствовали на занятиях, в установленное время сдавали экзамены и зачеты, защищали дипломные работы и проекты. Более того, с каждым годом увеличивалась доля выпускников средних школ, поступающих в вузы[17]. Преподавательский корпус, как и прежде, пользовался установленной в 1930-е годы табелью о рангах: профессор, доцент, ассистент. Обновлялись и утверждались учебные планы, заседали ученые и диссертационные

Мы — изобретатели, ученые, инженеры, рабочие — сделали страшное оружие, самое страшное в истории человечества. Но использование его целиком будет вне нашего контроля. Решать — “направлять”, словами притчи, будут они — те, кто на вершине власти, партийной и военной иерархии» [Сахаров 1996: 270—271].

16 Эпиграмма А.С. Сумарокова: «Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог. / Конечно, голова в почтеньи меньше ног» [Сумароков 1957: 256].

17 Не намереваясь здесь вступать в дискуссию о привлекательности вузовского образования в постсоветское время, отметим только два фактора: позицию работодателей, желающих принимать на работу людей не моложе 22—24 лет, и родительские мотивы, хорошо известные университетским преподавателям: пусть лучше учится, чем в армию идет; успеет еще поработать... Под давлением спроса университеты увеличивали прием, фактически снимая количественные ограничители для приема абитуриентов. Повторялась в другой обстановке и в иных масштабах ситуация первой трети XIX века: «Общее стремление давать юношеству высшее образование возникло лишь вследствие указа 6 августа 1809 года, заградившего производство в коллежские асессоры и в статские советники без испытания в науках и даровавшего кончившим университетский курс важные служебные преимущества. Сперва это возбуждение явилось, так сказать, насильственно, частью с переломом старинных предрассудков; но потом, действием времени и данного единожды движения, оно влилось в нравы и из средства искусственного превратилось в естественный порядок вещей. Все бросилось учиться, и при упомянутой выше свободе доступа в Московском университете находилось более 1000 студентов, в Петербургском более 700, в Дерптском более 600 и т.д.» [Корф 2003: 469].

советы. На первый взгляд казалось, что институт высшего образования успешно адаптировался к постсоветской ситуации. Для преподавателей открылись новые возможности профессиональной самореализации: они могли выбирать учебники или самостоятельно готовить учебные пособия, получать гранты на исследовательские проекты, стажироваться в зарубежных вузах, работать по договорам с коммерческими организациями или организовывать собственный бизнес, за воротами вуза заниматься политической деятельностью, баллотироваться в депутаты, публично критиковать правительство и президента. Вот только публика, далекая от академической жизни, присвоила им новое имя — «бюджетники», чем уравняла со школьными педагогами, муниципальными служащими и медицинскими работниками.

Бюджетник, о чем мы уже писали раньше, —

> это вошедшее в обиход обозначение русского нового бедного — человека с относительно высоким образованием, не сумевшего адаптироваться к новым экономическим условиям, отстоять свои интересы и поэтому выполняющего квалифицированную работу за мизерную оплату. Бюджетник — лицо униженное, достойное снисходительной жалости, нисколько не уважаемое в городском сообществе [Лейбович, Шушкова 2004: 141].

В читательском форуме одного из глянцевых журналов читаем:

> Живут бюджетники в нашей стране, конечно, более чем скромно. А кое-где откровенно в нищете. Ипотека, хорошая машина, отдых и прочие блага цивилизации часто для них недоступны, при том что работают они ничуть не меньше остальных, а иногда даже больше. При этом народ, который пользуется их услугами, часто относится к ним свысока и называет неудачниками. Парадокс? Хочется узнать отношение форума к бюджетникам. Слово «бюджетник» равно «бедный неудачник»? Останутся ли хорошие врачи, учителя или вымрут как класс?[18]

Бюджетник — это обобщающая социальная номинация тех, кто стал аутсайдером и оказался неспособным конвертировать собственные ресурсы в потребление, власть или собственность. Социальные позиции бюджетников распознаются по отношению к тем, кто добился экономического успеха или социального признания[19]. Эмансипированный преподаватель вуза или академический сотрудник превратились в «бюджетников», прежде всего, в силу экономических причин. Проще говоря, им стали мало платить[20].

> Ученый — это изгой российского общества. Кандидат и доктор наук со стажем (15—16-й разряд) — это зарплата 1630—1755 руб. по тарифной сетке +300—500 руб. за

---

18 Интернет-форум «Бюджетники. Неудачники?», сообщение участника с ником «Рюмашка» от 31 января 2011 года (http://forum.cosmo.ru/index.php?showtopic=167105).

19 В 2009 году газета «Известия» попыталась разобраться, кто входит в эту новую страту, но смогла лишь указать, что из категории бюджетников надо исключить чиновников и силовиков, так как они не соответствуют критериям: «низкооплачиваемый» и «недолюбливаемый властью» (Мы говорим «бюджетник», а кого подразумеваем? // Известия. 2009. 28 сентября (http://izvestia.ru/news/353510)).

20 По данным социологического исследования, проведенного в вузах Тамбовской области в 1998 году, «большинство преподавателей имеют низкий уровень жизни (69,5 %). Каждый третий живет в нищете, сводит концы с концами (38,1 %). Средний уровень жизни имеют 30,5 % преподавателей, а зажиточно живут 2,4 %» [Кокорев, Николюкина 2000].

> степень (данные приведены на 2003 год. — *Примеч. авт.*). Наука в России умирает, поскольку вымирают научные школы, —

жаловался в газету в самом начале XXI века читатель, явно принадлежащий к академическому сословию [Шишлов 2003].

Пауперизация ученого сословия была вызвана сочетанием разнородных факторов. Укажем для начала на снижение статуса образовательных институтов в условиях первоначального накопления, когда для достижения успеха книжные знания оказались невостребованными. Их место заступили хозяйственная хватка, здравый смысл, готовность к риску вместе с владением основными компетенциями криминальной культуры: преданность своим, безоглядность по отношению к чужим, готовность мстить за обиды и унижения [Stephenson 2015][21].

В этих условиях вузы превращались в своего рода социальные убежища как для молодых людей, так и для их наставников. Естественно, такая ситуация влекла за собой снижение качества образования:

> Получается, что в стране произошла культурная революция на манер той, что отштамповало серое поколение, пришедшее к власти в СССР в тридцатые. По своим качествам выпускник Скотопригоньевского педагогического университета 1999-го мало отличается от выпускника Самарской академии красной профессуры 1923-го [Кобрин 2002: 107—108].

В свою очередь, «препод» в кургузом пиджаке, несвежей сорочке, потертых брюках и стоптанных ботинках терял престиж и в глазах студентов, и в общественном мнении городского сообщества. В новой культурной ситуации статус потребления, по меньшей мере, сравнялся со статусом производства, на самом деле занял его место в процессе конструирования социального престижа, цен-

---

21 Ср.: «Современная эпоха — это эпоха первоначального накопления, порождающая новые социальные типы. Ее герои — не администраторы, не ученые и не бюрократы, но захватчики, дельцы, авантюристы, далекие по своим нравственным качествам не только от добропорядочных бюргеров, сочиненных М. Вебером, но и от русских интеллигентов, рожденных пером Иванова-Разумника. Они мало напоминают также инженеров и партийных секретарей времен позднего социализма. Они действуют методами, прописанными разве что в криминальных романах (да и те вряд ли ими прочитаны), но не в учебниках по управлению. Место книжных знаний заполняют у них индивидуальные волевые качества вкупе с инстинктивной ориентацией в межличностных, клановых связях. Эти люди порождены низовым уличным жизненным укладом с сильными примесями уголовной культуры. Учились ли они когда-то в вузах или нет, является делом второстепенным. В новой ситуации университетское образование не считается более источником социальной карьеры. Диплом — это лишь символический знак, украшающий и дополняющий высокое общественное положение; он чем-то сродни дворянскому титулу во Франции Луи-Филиппа. Не люди книжного знания, но сколотившие состояние дельцы являются признанными экспертами в новом российском обществе. Рыцари первоначального накопления определяют статусные позиции основных общественных институтов, в том числе и института высшего образования, в соответствии со своим личным и групповым опытом. И, естественно, престиж вуза, продающего по смехотворной цене дипломы кандидатов и докторов наук, не говоря уже обо всех прочих, в их глазах вряд ли выше престижа большой торговой палатки. Образование в условиях первоначального накопления капитала не является ни источником для извлечения прибыли, ни визитной карточкой для новой элиты» [Лейбович, Шушкова 2004: 147].

ности и значимости горожанина[22]. Молодые люди, наскоро освоившие культуру консюмеризма, распознали признаки бедности в облике преподавателя и интерпретировали их как показатель социальной некомпетентности, часто отождествляемой с некомпетентностью профессиональной [Кабацков, Королькова 2015].

Российский «новый бедный» отличается от своего европейского или американского социального собрата, прежде всего, тем, что он остается работником, более того, работником квалифицированным. За рубежом нередко бедность является уделом людей, выброшенных с рынка труда, в том числе профессиональных безработных. Из материалов социологических исследований, проведенных в США и во Франции, явствует, что рабочие выстраивали дистанцию по отношению к новым бедным; в США — бóльшую, во Франции — чуть меньшую в силу социалистических и католических традиций, но в обоих случаях вполне зримую и определенную [Schwartz 2009]. В российских условиях отсутствие социальных границ такого рода привело к широкому распространению культуры бедности в мире труда в целом и в университетском мире в частности[23]. Оказавшийся не по своей воле в ситуации между академической свободой и пауперизацией, преподаватель вуза испытывал чувство потери социальной идентичности: кто он — представитель большой науки? Но почему тогда он нищенствует? Или бедняк? Но тогда для чего ему интеллигентность? И если он принимал ориентиры и нормы культуры бедности, тогда для него становились возможными отступления от ранее принятых поведенческих правил. В конечном счете академическая свобода в университетах для многих означала возможность упростить до минимума содержание образовательных практик; работать одновременно в нескольких вузах и конвертировать свои статусы в денежные доходы[24]. Чтобы решить эти задачи, нужно было установить доверительные, или подданнические отношение с разными звеньями вузовской администрации: не препятствовать их бизнес-стратегиям, осваивать «студентосберегающие» технологии, соблюдать социальную дистанцию и демонстрировать лояльное поведение. Именно в те годы сформировался новый тип университетского начальника — держателя финансовых ресурсов, властвующего в ученых советах и огражденного от критики снизу. Одному из авторов статьи довелось слышать, как председательствующий в социологическом совете декан без тени иронии поучал

---

22 О сходной ситуации в КНР см.: [Shengjian 2004: 125].

23 Культура бедности понимается как система ценностей, позиций и поступков, существенно отличающихся от культуры среднего класса, не позволяющая, в конечном счете, ее носителям интегрироваться в общество [Lewis 1966]. Она предполагает социальный фатализм, неразборчивость в средствах для выживания (согласие на любую работу, лишь бы деньги платили), преобладание грубых экономических интересов в поведенческих стратегиях, снижение критичности по отношению к собственным поступкам, стремление к социальной изоляции и т.п. [Lewis 1968; Беглова 2012].

24 Обратимся к интервью, взятым у студентов пермских вузов: «Преподаватель говорит много. Иногда по делу, иногда нет. Часто бывает, что они (преподаватели) рассказывают о каких-то своих жизненных ситуациях, которые не имеют отношения к делу» (Интервью № 1. 2012. 12 ноября. Архив А.Н. Кабацкова); «Это все непедагогично, как она кричит, срывается» (Интервью № 5. 2014. 4 октября. Архив А.Н. Кабацкова); «Преподаватель может, например, не явиться на занятия, что довольно часто бывает. За полчаса предупреждают. Не всегда, но большая часть все-таки предупреждает. Мы приходим на занятие, и мы не знаем, какое оно будет и что нам скажут сегодня» (Интервью № 1. 2012. 12 ноября. Архив А.Н. Кабацкова).

своих коллег: «Последнее слово принадлежит ученому совету. И это слово: “Слушаюсь, господин председатель”». От вузовского администратора зависят объем и структура нагрузки, размер доплат, возможность выехать в научную командировку, опубликовать за счет вуза монографию, в конечном счете, сохранить свое рабочее место. В такой ситуации люди, назначенные на должность декана или заведующего кафедрой (выборы во многих вузах утратили какую-либо альтернативность уже во второй половине 1990-х годов), быстро усваивали социальные черты «дикого барина»: безапелляционность, зачастую грубость в отношении с низшими, готовность к самоуправству, насаждение доносительства и т.п. Подчиненные все это сносили, иногда вполголоса порицая те или иные поступки начальника, но чаще принимая их как должное. Связка «хозяин — барин» укоренилась в жизненном мире советского интеллигента. В этом смысле показательно замечание крупного лингвиста: «О матери после ее смерти вспоминали по-разному, но мне больше всего запомнились слова ныне тоже покойного академика Никиты Ильича Толстого, правнука Льва Николаевича: “Зинаида Владимировна была настоящая русская барыня”» [Алпатов 2012].

Обрел современные черты и фаворитизм [Парамонова 2012]. В университетской среде находились люди, использовавшие такое положение для выстраивания карьеры, для усиления статусных позиций. Уже упомянутый декан одного из национально-исследовательских университетов в течение двух лет фактически уничтожил две гуманитарные кафедры: из одной удалил ведущих профессоров и доцентов, вторую — просто закрыл, предварительно объявив ее сотрудникам: никому в вузе работы не будет. Ученый совет факультета послушно голосовал за[25].

Преподаватель, наделенный множеством академических свобод, передавал их вузовской администрации за разрешение зарабатывать деньги на стороне или получать надбавки и премии за лояльность. В вузах утвердился дух раннего капитализма с его грубым экономизмом, восхищением тюремной субкультурой, авторитарными методами управления, подавлением личности. Эмансипированный профессор попадал в экономическую и административную зависимость от вузовских чиновников среднего и высшего звена. Он с легкостью воспроизводил знакомые с советских времен конформистские практики: не прекословить начальству, поднимать руку по приказу, лукавить в советах и, самое главное, сохранять студенческий контингент, главным образом за счет снижения образовательных критериев. Иначе говоря, пауперизация ученого сословия привела к тому, что его члены впали в зависимость от вузовского начальства. Культура бедности порождала культуру подданничества. Процесс закрепощения был запущен отнюдь не государством, а его агентами в сугубо корпоративных или даже приватных интересах.

Мои друзья хоть не в Болонье...

В одной из интерпретаций российской истории XIX века смена правительственного курса в крестьянском вопросе объяснялась движением цен на зерно на европейских рынках. Цены поднимаются — набирает силу эмансипаторское

25 Культура для «технарей» — по остаточному принципу // Аргументы и факты. 2010. № 37 (http://www.perm.aif.ru/education/science/118953).

движение; цены опускаются — верх берет крепостническая реакция[26]. Применительно к положению вузовских работников в первое десятилетие XXI века действует противоположная логика. Курс на интеграцию в европейскую образовательную систему — так называемый «болонский процесс», провозглашенный Министерством образования РФ, означал на деле свертывание академических свобод: унификацию учебных курсов и дисциплин, введение обязательных государственных стандартов, наконец, далеко идущую формализацию всех образовательных практик. Болонский процесс в российском варианте означал возвращение государства в мир образования и науки. Преподаватели приступили к освоению нового университетского словаря: аттестация, аккредитация, кредитно-модульная система, тестирование. Парадоксальность ситуации придавала продолжающаяся коммерциализация вузов [Бок 2008]. Именно в те годы сложился рынок образовательных услуг — рынок покупателей, но не продавцов. Массовый и доступный диплом по экономическим специальностям стал востребованным сертификатом, который работник предъявлял при устройстве на работу. Он подтверждал готовность человека включиться в систему трудовых отношений, созданных в сфере частного бизнеса. Для тех, кто поступал на иные специальности, в вузах изобрели второе образование. Выпускник инженерного профиля выходил из университета с двумя дипломами, основным (5 лет обучения) и дополнительным по направлению менеджмента, маркетинга, финансов (3—4 года занятий) [Андреева, Кабацков 2004; Лейбович, Шушкова 2004]. Наряду с государственными учебными заведениями образовательные услуги продавали многочисленные частные институты. Их владельцы, чтобы стать конкурентоспособными, минимизировали расходы на содержание профессорско-преподавательского состава и упрощали до минимума образовательные технологии. Частные вузы нуждались в сезонных работниках — преподавателях, привлеченных для прочтения отдельных курсов, как правило, по сокращенной программе. Это давало шанс вузовским работникам, в первую очередь профессорам и доцентам, найти дополнительные источники доходов и ослабить пресс административного давления в государственном учреждении. Этот «отхожий промысел» получил в начале нулевых годов самое широкое распространение. По данным И.Б. Назаровой, в 2003—2004 годах типичный преподаватель «в среднем читает свыше трех курсов, работает одновременно в двух вузах, выполняет около четырех видов работ, приносящих доход» [Назарова 2006: 116].

В свою очередь, администрация государственных вузов стремилась прикрепить преподавателей к кафедрам, ограничив или сведя на нет их частные инициативы на рынке труда. Мотивация была простой: лишить конкурентов кадровых ресурсов и одновременно усилить контроль над профессиональным поведением подчиненных. Инструментами служили денежные поощрения за лояльность, регламентация рабочего времени: обязательное пребывание на кафедре несколько часов в день, поощрение внутреннего совместительства[27].

---

26 «В эволюции хлебных цен и заключается ответ на вопрос: почему крестьянская реформа задержалась у нас на 30 лет — на все царствование Николая Павловича с 20-х — по 50-е годы» [Покровский 2010: 121—122].

27 На одном из совещаний ректор высшего учебного заведения в г. П. высказал предложение: обеспечить каждого преподавателя тремя, если не получится, то двумя ставками за соответствующее вознаграждение (Сообщение А.К. Архив авторов).

Ненадежных преподавателей на всякий случай ограничивали в доступе к методическим материалам. Объяснялось просто — он уйдет и унесет с собой самое ценное, что есть в нашей организации, — учебно-методические разработки, рабочие программы и т.д.

Болонский процесс создал новые узлы напряженности в преподавательской среде. Нужно было ускоренно разучивать чужой словарь, заново переписать учебные программы курсов, ждать перемен... Он предусматривал перевод массового образования на четырехгодичный цикл обучения, замену учебных программ, разработку новых систем тестирования и проверки квалификации. Отсутствие надежной информации о будущем рождало слухи, формировало страхи, усиливало взаимное недоверие между функциональными группами. Было не ясно, как изменится учебный план, какие курсы останутся, какие будут удалены из обязательного набора дисциплин, что будет с кафедрами. Преподаватели успокаивали себя, что речь идет либо об отдаленной перспективе, либо о паллиативной реформе[28]. Пока продолжались дебаты о содержании и ожидаемых итогах Болонского процесса, преподаватели узнали на практике, что представляли собой им предусмотренные современные, унифицированные «контрольно-оценочные средства». Мы ведем речь о тестах, при помощи которых производилась аккредитация вузов. Тесты должны были проверить «соответствие качества подготовки обучающихся и выпускников требованиям государственных образовательных стандартов»[29]. Так, по дисциплине «Культурология» студенты горного и строительного факультета технического университета должны были знать, кто является «автором книги “Детка”, в которой излагается новое понимание человека и природы...», выбрать правильный вариант из предложенных автором решений: «На формирование асимметрии головного мозга у предков человека не оказало влияния... исчезновение когтей, освобождение передних конечностей, установление функциональных различий между передними и задними конечностями», проявить компетентность в знании японской культуры: «Согласно учению синтоизма японские императоры являются потомками солнечного божества...; варианты ответов — Аматэрасу (правильный ответ), или Идзинами, или Цукиеми, или Сусаноо»[30].

К середине нулевых годов из Министерства образования РФ в вузы постоянно поступали сигналы о грядущей коренной реформе всей системы подготовки специалистов. Под маркой Болонского процесса возрождался административный контроль над содержанием и формами образования:

> Конечно, наши университеты выдержали удар Болонской реформы, но в то же время они в определенной мере пострадали, и процесс их вырождения, начавшийся несколько десятилетий назад, ускорился [Вахитов 2013].

Преподаватель теперь обязан работать строго по государственному стандарту, фиксировать свои образовательные практики в соответствующих формах

---

28 «...Компетентностный подход — всего лишь один из возможных подходов, и для меня вся сфера образования в этот подход не входит» (Всероссийская конференция «Практики развития». Впечатления от первого дня конференции (http://conf.ippd.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=206%3A24042002&catid=27&Itemid=61)).

29 Приказ Рособрнадзора от 30 сентября 2005 г. № 1938 «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведений (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56144).

30 Тесты по специальности «Культурология» 2006 года (Архив О.Л. Лейбовича).

отчетности, быть готовым держать ответ за результативность своих действий. Администрация вуза несла ответственность за исполнение государственных предписаний. Для этого ей было необходимо прикрепить преподавателя к рабочему месту, лишить его возможности находить альтернативные формы заработка, загрузить новыми видами работ. В свою очередь, преподаватель за малую экономическую компенсацию лишился права самому определять содержание учебного курса, выбирать учебную литературу и формы контроля.

Процесс закрепощения ученого сословия вошел в заключительную стадию.

«...Просто загнанные лошади»

Завершение Болонского процесса в России привело к неожиданным результатам. Университеты утратили автономию. Министерство образования РФ предприняло ряд шагов по превращению их в казенные учреждения — «замкнутые на себя бюрократические структуры» [Борьба 2015]. Университеты выстроили по ранжиру: МГУ — СПбГУ — федеральные — национально-исследовательские — прочие. В соответствии с новым Законом об образовании учредитель — все то же министерство — получил возможность назначать ректоров[31]. В 2015 году оно в полной мере воспользовалось этим пунктом закона: в университеты были разосланы новые макеты уставов, отменяющие выборность ректоров[32]. Приказом министра деканы и заведующие кафедрами были уравнены в правах с беременными женщинами: конкурсные процедуры на них не распространялись[33]. Одновременно была введена практика ежегодного мониторинга вузов, позволяющая поделить их на «эффективные» и «неэффективные». Причем, в представлении организаторов образовательной политики, занятых слиянием университетов, явно доминирует советский образ «гигантов социалистической индустрии»: чем больше вуз, тем он лучше[34]. Впрочем, организация университетской жизни выстроена по иному — офисному образцу. В нее внедряется культура менеджмента, освоенная в частных корпорациях. «Макдональдизация университетов» происходит и на Западе вместе с далеко

---

31 См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Статья 51 // Российская газета. 2012. 31 декабря (http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html).

32 Бурматов попросил Генпрокуратуру проверить отмену выборов ректоров // Единая Россия. Официальный сайт партии. 2015. 11 июня (http://er.ru/news/132269/). Тогда же Государственная дума заблокировала законопроект депутата Смолина, предусматривающий возвращение «полноценных выборов ректоров вузов, как это было предусмотрено Федеральным законом “О высшем и послевузовском профессиональном образовании” в редакции 1996 года (О внесении изменений в федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” в части обеспечения гарантий автономии государственных и муниципальных образовательных организаций» (http://www.smolin.ru/duma/duma06/2015-06-10.htm)).

33 Приказ № 1536 Министерства образования и науки РФ от 4 декабря 2014 г. «Об утверждении Положения о порядке замещения должностей научно-педагогических работников». П. 4 (http://xn—80abucjiibhv9a.xn—p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/5105).

34 По мнению депутата Государственной думы РФ О.Н. Смолина: «В российской образовательной политике существует глубоко ошибочное мнение, будто качество образования определяется размерами вуза: чем крупнее вуз, тем умнее студенты» (http://www.smolin.ru/duma/duma06/2015-06-10.htm).

идущей бюрократизацией университетской жизни: «В качестве утилитарной и целерациональной формальной организации бюрократия делает упор на контрактное регулирование и формальные структуры» [Roberts, Donahue 2000: 369]. Преподаватель становится клерком, то есть лицом без определенной квалификации, которому полагается безропотно исполнять поручения администрации: прежде всего, читать множество курсов без специальной подготовки[35].

Наряду с утратой административной автономии вузов сходила на нет и их культурная автономия. Университеты не пытались противостоять ни пустившей корни в преподавательском корпусе культуре бедности, ни молодежной низовой уличной культуре с ее ненормативной лексикой, брутальными формами общения, образцами поведения, почерпнутыми из криминальных практик, и т.п. Утрата университетской автономии способствовала превращению высших учебных заведений в фабрики по производству (на память приходит старый термин «штамповка») бакалавров, то есть отнюдь не специалистов, а в лучшем случае кандидатов в магистратуру, как правило же, клерков в многочисленных конторах разного профиля[36].

Администрация российских вузов сегодня решает несколько задач: сохранить или повысить рейтинг вверенного ему учреждения в бюрократической системе и извлечь максимум прибыли на рынке массовых продаж образовательных услуг. От кафедр, а затем и преподавателей требуют перестроить свою работу в соответствии с целями организации: с одной — коммерческой — стороны: поддерживать режим жесткой экономии, не допускать потери клиентов, более того, искать и приводить абитуриентов, то есть обеспечивать себя работой на будущее; с другой — рейтинговой: увеличить объем научной продукции, обеспечить документальное сопровождение всего образовательного процесса. Критерием успешной работы образовательной организации становятся оформленные по всем правилам бюрократии многочисленные отчеты. В язык преподавателей входят новые слова: учебно-методический комплекс — он же УМК, рабочая программа учебной дисциплины — она же РУПД или РПД, методические указания (МУ) и другие термины. Использование их для повседневной коммуникации на кафедре стало еще одним символом бюрократизации образовательного пространства. Текущие формы отчетности о работе преподавателя со студентами также трансформировались в сложную схему многочисленных оценок, вычисления пропорций и коэффициентов, которые далеки от единого понимания как преподавателями, так и студентами. Поэтому перед экзаменами можно наблюдать оживленные дискуссии на кафедрах между преподавателями на тему, как правильно расставить баллы по той или иной схеме. Вопрос выставления оценок, прояснения прежде всего технической стороны промежуточных и итоговых расчетов прочно прописался в повестке дня кафедр. Естественное обновление персонала, модификация систем оценивания делают этот вопрос актуальной частью профессиональных дискуссий и коммуникаций в преподавательской среде. По своей актуальности он

---

35 Непрофессионализм преподавателя замечают и студенты: «Я, только начиная копаться в этом вопросе, уже знаю гораздо больше его...» — читаем в интервью студента Пермской государственной академии искусства и культуры (Интервью № 5. 2014. 4 октября. Архив А.Н. Кабацкова).

36 Мы не имеем в виду выпускников медицинских и творческих вузов. Ситуация в них нуждается в специальном исследовании.

оказывает большее влияние на жизненные миры преподавательских сообществ, чем дискуссии о содержательной стороне оценки выступления студента на семинаре, экзамене или обсуждение технологий вовлечения студенческой группы в профессиональную научную дискуссию.

Преподавательский корпус пополнил число социальных групп, входящих в аморфную общность «офисного планктона». Только, в отличие от своих коллег по закрепощению, работники вузов лишены социального признания в потребительском обществе, так как «бюджетозависимость» помещает их на нижнюю ступень в системе экономических иерархий. Преподаватель, подобно клерку, утрачивает профессиональные свойства; он обязан изменять содержание труда в зависимости от ситуации: сегодня читать один курс, завтра — другой, по распоряжению декана или заведующего кафедрой за месяц или за неделю освоить новую дисциплину и прийти в студенческую аудиторию: «Мы, наемные работники, которых наш работодатель — государство, администрация вузов — пытается унифицировать и сделать взаимозаменяемыми. Знаете, как расходный материал», — заметил один из участников круглого стола «Угрозы академической корпорации»[37].

И так же как офисный служащий, преподаватель остается совершенно беззащитным перед поставленным над ним начальством. Администрация вузов выходит из-под какого-либо контроля со стороны преподавательского корпуса. Тем самым, университетский профессор теряет статус профессионала. Согласимся с мнением Ч. Лоренца: «Автономия и контроль за своей работой и тем, как она исполняется, — это и есть самая главная характеристика профессии» [Lorenz 2012: 610]. Можно считать сложившимся и новый властный дискурс: уличный, невнятный, темный, угрожающий, бессвязный, не терпящий прекословия, повторяющий языковые практики новых хозяев жизни, слегка адаптированные к условиям образовательных институтов[38].

Работающий по срочным контрактам (в некоторых случаях — годичным) вузовский доцент лишается гарантий занятости и права на критику; его загружают канцелярской работой, подчиняют новым формализованным видам надзора[39]. Так, в крупном региональном университете ввели электронную регистрацию на входе в корпус по пропускам. Она фиксировала время прибытия студентов и преподавателей в учебный корпус и ухода из него. В планах администрации было расширение электронного контроля вплоть до аудиторий, что могло бы позволить с точностью до минуты установить время прихода преподавателя на место проведения занятий и зафиксировать их завершение.

В менее крупной организации проблему контроля решили проще — установив практически в каждой аудитории по видеокамере, передающей информацию на центральный пульт. Видеокамеры дополнили традиционные практи-

---

37 Выступление П. Кудюкина [Борьба 2015]. Заметим, что в такой же ситуации оказался и преподаватель американского вуза, работающий по годовому контракту, у которого «нет реальных шансов быть принятым в штат» [Chomsky 2014].

38 Одному из авторов статьи довелось наблюдать сцену, как проректор большого университета в ответ на «неудобный» вопрос, заданный преподавателем, потеряла контроль над собой: побелела, у нее затряслись губы, исказилось лицо... Спустя короткое время преподаватель был уволен; лаборатория, в которой он работал, закрыта.

39 Аналогичные практики все чаще применяются и в американских колледжах [Lorenz 2012].

ки определения времени начала занятий по журналу учета ключей от аудиторий, которые необходимо было получать и сдавать на вахте у входа в корпус.

Используются и более традиционные методы: в техническом университете работники учебной части дежурили перед аудиториями и записывали в блокноты время появления преподавателя, затем данные об опоздавших — от трех минут и более — передавались на кафедру для принятия мер. Иногда те же функции брал на себя декан факультета, лично проверяя в 8 часов утра присутствие доцента в аудитории.

Контроль над временем реализуется и в иных формах. Прежде всего, мы ведем речь об увеличении аудиторной нагрузки до 900 учебных (академических или астрономических) часов в год. В ряде образовательных учреждений на этом не остановились и подвергли детальной регламентации все виды учебной, методической, воспитательной, научной и исследовательской работы коллектива преподавателей. «Я теперь не свободен в распоряжении своим временем», — прокомментировал новую ситуацию в вузе университетский преподаватель[40].

Так, в одном из филиалов столичного университета трижды в год весь преподавательский коллектив должен был отчитываться по каждому виду работы перед администрацией учреждения. Небольшой размер организации позволял выслушивать отчет директору организации, его замам и различным административно-хозяйственным работникам. Отчет преподавателя перед административным консилиумом демонстрирует его статус подчиненного, лишенного права принимать самостоятельные решения в сфере профессиональной деятельности.

Возвращение государства в образовательное поле усилило позиции администрации в стремлении закрепить преподавателя за его рабочим местом, сделать его «винтиком» образовательной машины, уже не только решающей частные, экономические задачи, но, прежде всего, выполняющей государственный заказ по организации строго регламентированной системы подготовки студентов.

Бюрократическая регламентация, начинавшаяся с коллективного заполнения преподавателями кафедры ежегодных планов учебно-методической работы, постепенно стала включать в себя все больше и больше новых компонентов. Публикационный оброк регламентировал количество и место публикации статей, которые каждый штатный работник бюджетной образовательной организации был обязан написать в течение учебного года. Известный список журналов, рекомендованных ВАК для публикации научных статей, постепенно был дополнен системой электронного контроля за публикационной активностью научных работников в электронно-цифровых базах хранения и обработки информации в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)[41]. Так, появление в 2013—2014 годах в формах отчетности графы «Публикации в изданиях, индексируемых в базе данных “Web of Science”», побуди-

40 Выступление И. Павлюткина [Борьба 2015].

41 В настоящий момент можно говорить о существовании сложной иерархии публикаций, учитываемых по месту издания, профилю журнала и количеству цитирований, которые были сделаны на каждую опубликованную работу. Высшим статусом обладает публикация, сделанная за рубежом, в системе журналов, учитываемых в базах «SCOPUS» и «Web of Science». Данные показатели составляют часть многочисленной ежегодной отчетности образовательной организации, куда скрупулезно вносятся все данные о числе и характере опубликованных работ.

ло руководство одного из столичных вузов регулярно обсуждать на заседаниях ученого совета технические вопросы публикации статей в соответствующих журналах: как приглашать зарубежных соавторов, по каким нормам оплачивать размещение статей, каким кафедрам вменить в обязанность публикации такого рода и т.п. Формы организации научной работы, проблемы организации труда преподавателя, стимулирующие его способность и готовность проводить исследования, соответствующие уровню публикаций в признанных международным сообществом журналах, оставались вне повестки дня этих дискуссий. Роль кафедры и преподавателя в работе над публикацией сводилась к служебным обязанностям в предписанный срок предоставить статью для размещения в журнале.

Таким образом, преподаватель вуза к середине десятых годов утратил все приобретенные ранее академические свободы. Вторичное закрепощение ученого сословия можно считать свершившимся фактом:

> С определенной натяжкой ту ситуацию, в которой оказались обычные преподаватели типичных провинциальных вузов, можно сравнить с положением «прикрепленных к земле» крестьян: первые получают мизерный доход, зачастую оказываются бесправными в конфликтных ситуациях (в большинстве вузов профсоюзы фактически превратились в придаток администрации) и, из-за узости региональных рынков труда в сфере высшего образования, зачастую лишены возможности перейти к «другому сеньору», продолжая работать в соответствии со своими квалификацией и призванием [Голунов 2013].

Любые исторические аналогии условны. «Юрьев день» не отменен. Вузовский преподаватель законодательно не прикреплен к учебному заведению. Он может в любой момент, произведя несложные действия, покинуть свой вуз. Более того, администрация и сама проявляет соответствующую инициативу, по окончании учебного года не продлевая контракты или усложняя конкурсные процедуры. Подобным образом поступали в начале XVII века бояре и московские дворяне: в голодные годы они изгоняли со службы холопов, лишая их крова и пищи. «Многие крестьяне и холопы не могли надеяться даже на то, чтобы найти нового владельца, — читаем мы в биографии Бориса Годунова. — Кому был нужен лишний рот в голодное время» [Козляков 2011: 227]. Для покинувшего вуз преподавателя на рынке труда также остается не слишком много возможностей. В зарплате доцент провинциального университета не проиграет, даже если устроится кондуктором в муниципальное трамвайно-троллейбусное управление или встанет к кассовому аппарату в торговом центре. Но все его социальные достижения будут утрачены.

> Преподавателям неловко признаваться, что они остались без работы, несмотря на ученые степени и огромный опыт. Им сложно помочь, — со знанием дела говорит специалист в области рекрутинга. — Если преподавателю больше 40 лет и у него есть научные степени, то перепрофилировать его почти невозможно [Шевченко 2014].

Ситуация безысходности и прикрепляет доцента к вузу не хуже, чем царские указы, обязывавшие служилых людей до конца живота своего нести государевы повинности.

Мы можем наблюдать, как воспроизводится в университетской среде наравне с культурой бедности подданническая культура. Человек, в нее погру-

женный, относится к себе как «говорящему орудию», готов безропотно сносить гнев начальства, лукавить и заискивать перед ним, демонстрировать почтительность и искать утешение в алкоголе. Придавленный нуждой, подвергнутый мелочному контролю, несамостоятельный в своих решениях вузовский преподаватель не может быть носителем притягательных ценностей и социально престижных норм в студенческой среде.

Таким образом, в течение века мы можем наблюдать, как на протяжении жизни одного поколения коренным образом менялся статус университетского преподавателя. Профессор императорских университетов становился советским служащим с сомнительным статусом «буржуазного спеца» под контролем пролетарской студенческой общественности. Затем государство присвоило ему звание советского ученого с высокими статусными привилегиями в обмен на политическую лояльность В процессе разрушения социалистических институтов университетский преподаватель обрел свободу выражения, но был низведен до уровня «бюджетника», или нового бедного. По мере утверждения новой социальной организации общества ему была определена роль исполнителя министерских директив, своего рода канцелярского служителя, отданного на попечение университетского начальства.

Библиография / References

[Аврус 2005] — *Аврус А.И.* История российских университетов: Курс лекций. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2005.

(*Avrus A.I.* Istoriya rossiyskikh universitetov. Saratov, 2005.)

[Алпатов 2012] — *Алпатов В.М.* Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012 (http://librarius.narod.ru/personae/zvudal.htm).

(*Alpatov V.M.* Yazykovedy, vostokovedy, istoriki. Moscow, 2012 (http://librarius.narod.ru/personae/zvudal.htm).)

[Андреева, Кабацков 2004] — *Андреева О.Ю., Кабацков А.Н.* Институциональный кризис образования через призму профессиональной культуры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1 (25). С. 126—138.

(*Andreeva O.Yu., Kabatskov A.N.* Institutsional'nyy krizis obrazovaniya cherez prizmu professional'noy kul'tury // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2004. Vol. VII. № 1 (25). P. 126—138).

[Анисимов 2004] — *Анисимов Е.* Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2004.

(*Anisimov E.* Anna Ioannovna. Moscow, 2004.)

[Беглова 2012] — *Беглова Е.И.* Социокультурные особенности феномена бедности в России // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 9 (17) (http://ej.soc-journal.ru/archive/2012/9/beglova.pdf).

(*Beglova E.I.* Sotsiokul'turnye osobennosti fenomena bednosti v Rossii // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2012. № 9 (17).)

[Бок 2008] — *Бок Д.* Плюсы и минусы коммерциализации // Социология образования: Хрестоматия / Сост. Р.Н. Абрамов. М.: Высшая школа экономики, 2008. С. 128—140.

(*Bok D.* Plyusy i minusy kommertsializatsii // Sotsiologiya obrazovaniya: Khrestomatiya / Ed. by R.N. Abramov. Moscow, 2008. P. 128—140.)

[Борьба 2015] — Борьба за профессию. Угрозы академической корпорации: дискуссия профессионалов. Дебаты // Гефтер.ру. 2015. 16 июля (http://gefter.ru/archive/15636).

(Bor'ba za professiyu. Ugrozy akademicheskoy korporatsii: diskussiya professionalov. Debaty // Gefter.ru. 2015. 16 July.)

[Вахитов 2013] — *Вахитов Р.* Болонский процесс в России // Отечественные записки. 2013. № 4 (http://www.strana-oz.ru/2013/4/bolonskiy-process-v-rossii).

(*Vakhitov R.* Bolonskiy protsess v Rossii // Otechestvennye zapiski. 2013. № 4.)

[Вишленкова, Савельева 2013] — Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е. Вишленковой и И. Савельевой. М.: НИУ ВШЭ, 2013.

(Soslovie russkikh professorov: Sozdateli statusov i smyslov / Ed. by E. Vishlenkova i I. Savel'eva. Moscow, 2013.)

[Гаспаров 1997] — *Гаспаров М.Л.* Ю.М. Лотман: наука и идеология // Он же. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 1997. Т. 2. С. 485—493.

(*Gasparov M.L.* Yu.M. Lotman: nauka i ideologiya // Idem. Izbrannye trudy. Moscow, 1997. Vol. 2. P. 485—493.)

[Голунов 2013] — *Голунов С.* «Квазифеодализм» высшего образования // Троицкий вариант. 2013. 26 февраля (http://trv-science.ru/2013/02/26/kvazifeodalizm-vysshego-obrazovaniya/).

(*Golunov S.* «Kvazifeodalizm» vysshego obrazovaniya // Troitskiy variant. 2013. 26 February.)

[Даль 2006] — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. IV.

(*Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: In 4 vols. Moscow, 2006. Vol. IV.)

[Дмитриев 1998] — *Дмитриев М.Л.* Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

(*Dmitriev M.L.* Glavy iz vospominaniy moey zhizni. Moscow, 1998.)

[Дмитриев 2012] — Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы) / Под ред. А.Н. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

(Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii — SSSR (konets 1880-kh — 1930-e gody) / Ed. by A.N. Dmitriev. Moscow, 2012.)

[Есаков, Левина 2001] — *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М.: ИРИ РАН, 2001.

(*Esakov V.D., Levina E.S.* Delo KR. Sudy chesti v ideologii i praktike poslevoennogo stalinizma. Moscow, 2001.)

[Зезина 1997] — *Зезина М.Р.* Материальное стимулирование научного труда в СССР. 1945—1985 // Вестник Российской академии наук. 1997. Том 67. № 1. С. 20—27.

(*Zezina M.R.* Material'noe stimulirovanie nauchnogo truda v SSSR. 1945—1985 // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. 1997. Vol. 67. № 1. P. 20—27.)

[Зезина 2009] — *Зезина М.Р.* Режим привилегий для научной и художественной интеллигенции // Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 326—346.

(*Zezina M.R.* Rezhim privilegiy dlya nauchnoy i khudozhestvennoy intelligentsii // Rezhimnye lyudi v SSSR / Ed. by T.S. Kondrat'eva, A.K. Sokolov. Moscow, 2009. P. 326—346.)

[Зеленов, Бранденбергер 2014] — «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Ч. 1.

(«Kratkiy kurs istorii VKP(b)». Tekst i ego istoriya: In 2 vols. / Ed. by M.V. Zelenov, D. Brandenberger. Moscow, 2014. Vol. 1.)

[Зипунникова 2010] — *Зипунникова Н.Н.* Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых компонентов) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2 С. 14—20.

(*Zipunnikova N.N.* Pravovoy status uchenogo v Rossiyskoy imperii (osobennosti formirovaniya klyuchevykh komponentov) // Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2 P. 14—20.)

[Ипатьев 1945] — *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания: В 2 т. Нью-Йорк, 1945. Т. I.

(*Ipat'ev V.N.* Zhizn' odnogo khimika: Vospominaniya: In 2 vols. New York, 1945. Vol. I.)

[Кабацков, Королькова 2015] — *Кабацков А.Н., Королькова А.В.* «Абсурдные» черты профессионального образования. Взгляд студентов // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2015. № 2. С. 19—31.

(*Kabatskov A.N., Korol'kova A.V.* «Absurdnye» cherty professional'nogo obrazovanija. Vzgljad studentov // Integrativnaja perspektiva v gumanitarnyh naukah. 2015. № 2. P. 19—31.)

[Киселев 2015] — *Киселев М.А.* Создание вечно-отданных в 1730-е гг. в контексте истории сословий в России: к постановке проблемы // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2015. Вып. 4. С. 478—483.

(*Kiselev M.A.* Sozdanie vechnootdannykh v 1730-e gg. v kontekste istorii sosloviy v Rossii: k postanovke problemy // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. 2015. Vol. 4. P. 478—483.)

[Кобрин 2002] — *Кобрин К.* Гипотезы об истории. М.: Прагматика культуры, 2002.

(*Kobrin K.* Gipotezy ob istorii. Moscow, 2002.)

[Козляков 2011] — *Козляков В.* Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М.: Молодая гвардия, 2011.

(*Kozlyakov V.* Boris Godunov. Tragediya o dobrom tsare. Moscow, 2011.)

[Кокорев, Николюкина 2000] — *Кокорев А.С., Николюкина Н.Б.* Социальный портрет

высшей школы (на основе анализа вузов Тамбовской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 1. С. 154—161.

(*Kokorev A.S., Nikolyukina N.B.* Sotsial'nyy portret vysshey shkoly (na osnove analiza vuzov Tambovskoy oblasti) // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2000. Vol. III. № 1. P. 154—161.)

[Кордонский 2007] — *Кордонский С.Г.* Ресурсное государство. М.: Regnum, 2007.

(*Kordonskiy S.G.* Resursnoe gosudarstvo. Moscow, 2007.)

[Кордонский 2009] — *Кордонский С.* «Главным социальным слоем в России были, есть и будут помещики». Россия как она есть на самом деле // Частный корреспондент. 2009. 23 января (http://www.chaskor.ru/article/simon_kordonskij_glavnym_sotsialnym_sloem_v_rossii_byli_est_i_budut_pomeshchiki_2842).

(*Kordonskiy S.* «Glavnym sotsial'nym sloem v Rossii byli, est' i budut pomeshchiki». Rossiya kak ona est' na samom dele // Chastnyy korrespondent. 2009. 23 January.)

[Кордонский 2004] — *Кордонский С.* Социальная реальность современной России // Полит. ру. 2004. 11 мая (http://www.polit.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html).

(*Kordonskiy S.* Sotsial'naya real'nost' sovremennoy Rossii // Polit. ru. 2004. 11 May.)

[Корф 2003] — *Корф М.* Записки. М.: Захаров, 2003.

(*Korf M.* Zapiski. Moscow, 2003.)

[Лейбович, Шушкова 2004] — *Лейбович О.Л., Шушкова Н.В.* На семи ветрах: институт высшего образования в постсоветскую эпоху. Новые явления в российском высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 1 (25). С. 139—156.

(*Leybovich O.L., Shushkova N.V.* Na semi vetrakh: institut vysshego obrazovaniya v postsovetskuyu epokhu. Novye yavleniya v rossiyskom vysshem obrazovanii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2004. Vol. VII. № 1 (25). P. 139—156.)

[Медушевский 2007] — *Медушевский А.* Александр Дмитриевич Градовский: «Самоуправление требует искреннего обращения к земле, к истинному труду и народу...» // Российский либерализм: идеи и люди / Под ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд. М.: Новое издательство, 2007. С. 190—195.

(*Medushevskiy A.* Aleksandr Dmitrievich Gradovskiy: «Samoupravlenie trebuet iskrennego obrashcheniya k zemle, k istinnomu trudu i narodu…» // Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi / Ed. by A.A. Kara-Murza. Moscow, 2007. P. 190—195.)

[Миронов 1999] — *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 2.

(*Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: In 2 vols. St. Petersburg, 1999. Vol. 2.)

[Моммзен 1937—1941] — *Моммзен Т.* «Римская история»: В 3 т. / Под ред. С.И. Ковалева, Н.А. Машкина. М.: Соцэкгиз; Госполитиздат, 1937—1941.

(*Mommsen Th.* Römische Geschichte: In 3 vols. / Ed. by S.I. Kovalev, N.A. Mashkin. Moscow, 1937—1941. — In Russ.)

[Назарова 2006] — *Назарова И.Б.* Типология преподавателей высшей школы // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 115—119.

(*Nazarova I.B.* Tipologiya prepodavateley vysshey shkoly // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2006. № 11. P. 115—119.)

[Парамонова 2012] — *Парамонова С.П.* Фаворитизм как элемент социально-политических отношений // Фундаментальные исследования. 2012. № 11(1). С. 21—29.

(*Paramonova S.P.* Favoritizm kak element sotsial'no-politicheskikh otnosheniy // Fundamental'nye issledovaniya. 2012. № 11(1). P. 21—29.)

[Покровский 2010] — *Покровский М.Н.* Очерк истории русской культуры. Экономический строй: от первобытного хозяйства до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений. 5-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

(*Pokrovskiy M.N.* Ocherk istorii russkoy kul'tury. Ekonomicheskiy stroy: ot pervobytnogo khozyaystva do promyshlennogo kapitalizma. Gosudarstvennyy stroy: obzor razvitiya prava i uchrezhdeniy. Moscow, 2010.)

[Прусская 2013] — *Прусская И.Я.* Теория закрепощения и раскрепощения сословий // Экономика, социология и право. 2013. № 1. С. 113—117.

(*Prusskaya I.Ya.* Teoriya zakreposhcheniya i raskreposhcheniya sosloviy // Ekonomika, sotsiologiya i pravo. 2013. № 1. P. 113—117.)

[РпН 2006] — Нравственно-политический отчет за 1839 год // Россия под надзором. Отчеты III отделения 1829—1869. М.: Российский фонд культуры; ГАРФ; Российский архив; Студия «Тритэ», 2006.

Наши авторы

Сергей Антонов

(Куинс-колледж (Городской университет Нью-Йорка); аффилированный исследователь кафедры истории; Колумбийский университет; адъюнкт-доцент Гаррримановского института; JD; PhD) saa2111@columbia.edu.

Аманда Брикелл Беллоуз

(Нью-йоркское историческое общество и Новая школа социальных исследований; постдокторантура; PhD) bellowsa@newschool.edu.

Марк Буггельн

(Берлинский университет имени Гумбольдта; научный сотрудник Института исторических наук философского факультета I; PhD) marc.buggeln@geschichte.hu-berlin.de.

Алексей Васильев

(Российский государственный гуманитарный университет; доцент; заместитель директора Учебно-научного института «Русская антропологическая школа»; Институт Центральной и Восточной Европы (Люблин, Польша); кандидат исторических наук) vasal2006@yandex.ru.

Маркус Вуд

(Университет Сассекса; доцент кафедры английского языка; PhD) M.M.G.Wood@sussex.ac.uk.

Анке Гизен

(Магдебургский университет им. Отто фон Герике, Германия; магистр славистики) anke.giesen@st.ovgu.de.

Александр Гольц

(«Ежедневный журнал», заместитель главного редактора).

Кейла Гринберг

(Федеральный университет штата Рио-де-Жанейро (UNIRIO); доцент кафедры истории; PhD) keila@pobox.com.

Александр Дмитриев

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Полетаева; кандидат исторических наук) dualis@mail.ru.

Андрей Завадский

(Свободный университет Берлина; магистр публичной истории) a.zavadski@fu-berlin.de.

Томаш Зарицкий

(Варшавский университет; профессор; PhD) t.zarycki@uw.edu.pl.

Андрей Кабацков

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь; доцент социально-гуманитарного факультета; кандидат исторических наук) afsnik@gmail.com.

Артем Кравченко

(МВШСЭН / РАНХиГС; магистр публичной истории) artemioskravchenko@gmail.com.

Екатерина Лапина-Кратасюк

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент факультета коммуникаций, медиа и дизайна; кандидат культурологии) elapinakratasyuk@hse.ru.

Илья Калинин

(СПбГУ, доцент факультета свободных искусств и наук; кандидат филологических наук) i.kalinin@spbu.ru.

Иван Курилла

(Европейский университет в Санкт-Петербурге; профессор; доктор исторических наук) ikurilla@eu.spb.ru.

Олег Лейбович

(Пермский государственный институт культуры; профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии; доктор исторических наук) oleg.leibov@gmail.com.

Мария Майофис

(РАНХиГС (Москва); доцент Института общественных наук; старший научный сотрудник Лаборатории историко-культурных исследований Школы актуальных гуманитарных исследований (Москва); кандидат филологических наук) mayofis-ml@ranepa.ru.

Вадим Михайлин

(Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики; доктор философских наук) vmikhailin@yandex.ru.

Оксана Мороз

(Российский государственный гуманитарный университет; старший преподаватель кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований; кандидат культурологии) oxanamol@gmail.com.

Герт Остинди

(Университет Лейдена, профессор; Королевский нидерландский институт Юго-Восточной Азии и Карибских островов; PhD) Oostindie@kitlv.nl.

Абрам Рейтблат

(«Новое литературное обозрение»; кандидат педагогических наук) reitblat@nlo.magazine.ru.

Василий Филиппов

(Институт Африки РАН, ведущий научный сотрудник; доктор исторических наук) fvrd@rambler.ru.

Елена Филиппова

(Институт этнологии и антропологии РАН, главный научный сотрудник; доктор исторических наук) elena_filippova89@yahoo.fr.

Пол Финкельман

(Юридическая школа Олбани, США; почетный профессор; Саскачеванский университет; приглашенный профессор юридического факультета; PhD) paul.finkelman@albanylaw.edu.

Андре Чикало

(Королевский колледж в Лондоне; научный сотрудник Института Бразилии; PhD) andre.cicalo@gmail.com.

Summary

Slavery's Aftermath: Intellectual Legacy and Cultural Memory

Special issue. Vol. 2

The Visual Representation of Slavery — II

The section continues with **Amanda Brickell Bellows**'s "Post-Emancipation Representations of Serfs, Peasants, Slaves, and Freedpeople in Russian and American National Art, 1861—1905." The abolition of Russian serfdom (1861) and American slavery (1865) triggered decades of reflection among artists who sought to make sense of these transformational events and their enduring consequences. Between 1861 and 1905, artists in both countries created hundreds of oil paintings that depicted slaves, freedpeople, serfs and peasants in a variety of scenes. While pre-emancipation works often presented slavery and serfdom through a classical, formal lens that marginalized bondsmen, postemancipation paintings portrayed slaves, freedpeople, serfs and peasants in a broad range of situations that revealed the complexity of their experiences. These works of art helped establish parameters of discourse relating to black and peasant experiences of captivity, the processes of their liberation, their post-emancipation civic roles as soldiers and students, and their experiences as rural-to-urban migrants. In addition, these compositions shaped nineteenth-century viewers' conceptions of freedpeople and peasants as well as their attitudes about the integration process after the abolition of serfdom and slavery. Finally, representations of former bondsmen played a critical role in molding Russians' and Americans' senses of national identity as the two countries reconstructed their societies during an era of substantial political and social reform.

In their "Between Slave Labor and Building Socialism. Notes on How the Labor of Gulag Prisoners is Represented in Certain Russian Museum Exhibitions", **Anke Giesen**, **Andrei Zavadsky** and **Artem Kravchenko** examines three Russian museum exhibitions that either wholly or partly address the Gulag and the post-Stalin Soviet repressive system: the "Russia — My History" historical park (Moscow), the Museum of the History of the Gulag (Moscow) and the Perm-36 Memorial Complex of Political Repressions (Kupchino, Permsky krai). The authors focus on the parts of the exhibitions that explain the character and form of the prisoners' labor. They demonstrate that in contemporary Russia, there has been a noticeable increase in representation of forced labor as 'productive work for the good of the nation,' which strongly recalls the early Soviet representation of prisoners' labor as part of the Soviet building of socialism. The model of 'socialist labor' is contrasted to one in which prisoners' labor is represented as 'slave labor.' In the first case, prisoners (just like other, free, Soviet people) are seen as subjects of conscious and meaningful

labor, while in the second case they appear as objects of violent coercion on the part of a repressive system. The authors demonstrate that images of 'socialist labor' in Russian exhibitions about the Gulag are gradually displacing images that refer to slavery.

Marcus Wood's "Packaging Liberty and Marketing the Gift of Freedom: 1807 and the Legacy of Clarkson's Chest" examines Thomas Clarkson's chest as the central exhibit in an exhibition on England's abolition of the slave trade, as well as the history of this object in the context of its time and the meanings that it transmits to the modern-day viewer. First of all, Wood interrogates the origin of the most famous objects and works of art created thanks to the abolitionary movement. Second, he describes the visual rhetoric of abolitionism and suggests a hypothesis about the reasons for the popularity of some of its elements in contemporary mass culture. Finally, Wood asks what art objects — and, more broadly, any other material objects — can tell us about the legacy of the slave-owning era, and which of them have the greatest narrative power.

The section closes with a survey from **Oxana Moroz**, "Slavery as Trauma: Distilled Viewing," in which she examines two recent edited volumes dedicated to visual representations of slavery.

Commemorative Practices

The articles in this section address the ways memory about slavery is transmitted and supported. The specificity of slavery as an anthropological category lies, to all appearances, in the fact that even many years after its abolition it is still capable of bringing about unexpected changes to the social context of the nations in which the descendents of freedmen and former slaves now live side by side. A second important topic for the articles of this section is the silencing of memory about slavery in certain cultures, primarily the silencing of recollections about serfdom in Russia.

Gert Oostindie's "History Brought Home: Postcolonial Migrations and the Dutch Rediscovery of Slavery" addresses how Dutch society rediscovered the long history of slavery and slave-trading in the Netherlands, through an examination of the influence of post-war migration from Dutch Caribbean colonies on the perception of this problem. The article discusses the influence of postcolonial migration flows on the formation of the Dutch historical canon, while discussing the relative success of demands by Caribbean residents that the Netherlands acknowledge the enslavement of Africans as an integral part of Dutch national history. In conclusion, Oostindie shares some thoughts on the question of slavery's historical legacy, and about the 'dark' interpretations of the phenomenon of slavery and its consequences for the New World.

André Cicalo's "From Public Amnesia to Public Memory: Re-Discovering the Legacy of Slavery in Rio de Janeiro" examines the transition from silence around the topic of slavery to the perpetuation of the memory of slave-trading in the port zone of Rio de Janeiro. He analyzes the factors that made this transformation possible and investigates the significance of this change for the social actors involved. The first part of

the article contextualizes the relationship between urban space and silence around the topic of slavery. Cicalo shows that this silence spread in part due to the ideology of Brazil's racial democracy. The second and third parts address changes in Brazil's racial politics, which led to increased interest in the legacy of slavery among various figures, including representatives of the Negro movement. In conclusion, Cicalo sets out a series of questions about the future of this legacy, which remain to be studied in greater depth by social scientists.

The section continues with an article by **Elena Filippova** and **Vasily Filippov** "Fettered by the Same Chain. Remembering Slavery in French National History," which addresses the memory of slavery in former French colonies, primarily in Guadelupe, which to this day maintains to a significant degree its colonial status. Remembering slavery was an activity long relegated to the periphery of societal consciousness, but in recent years it has become the subject of a special politics of memory and the object of wrangling between the French state and its foreign departments. For descendents of slaves, the still-fresh collective trauma and the contemporary experience of inequality and discrimination combine to form a victim complex. At the same time, attempts to overcome stigma and to build a positive identity on the foundation of insubordination, resistance and the opposition of 'victims' and 'torturers' undermines the sense of national unity from within. The tasks of overcoming the past and building a shared, non-conflicted future are further complicated by persistent stereotypes, both conscious and unconscious, about the connection between social status and skin color.

Alexander Dmitriev's "After Abolition: The 'Great Reforms' and the Thaw in Russian Historical Thought" addresses the evolution in the way serfdom and the Alexander II-era "Great Reforms" were remembered in the late Soviet period — from the late 1950s to the early 1990s. Dmitriev examines the development of professional historiography, the evolution of propagandistic canons, and collective images of the past. Dmitriev's starting point is how the abolition of serfdom was received in post-Stalin society in connection with the one-hundred-year anniversary of the Reforms. The general direction was a shift in attention, away from the radical intelligentsia and toward an enlightened bureaucracy and broad questions of reform (at least in the image of "revolution from on high"). These initial images of "slavery" and "emancipation" are extremely important in post-Soviet conditions as well, in current debates over Russia's "special path" and the descriptions of "our common past" typical of early twenty-first-century Russia.

A. I. Reitblat's "'Do Russians Need Freedom?' A Survey of Publications Dedicated to the 150-year Anniversary of the Liberation of the Serfs" examines publications in the press around the 2011 celebration of the 150-year anniversary of the Great Reforms and concludes that society showed very little interest in the event and that it had very little social effect. Some political elites used the event in a purely opportunistic way, which meant it served as a platform for statements about the contemporary state of Russia and possibilities for reform; but the resulting discussion led to no consensus. This was connected with the dearth of new arguments on the part of the debaters, the rather scholastic terms of the discussion and its isolation from the real problems faced by the nation. Most Russians are not aware that the influence of serfdom on their

thoughts and their fellow citizens' awareness of social reality is still very strong. People either want to see serfdom as something in the distant past, unconnected to their present, or to mythologize it into an image far from reality.

The section closes with a survey from **Aleksey Vasiliev**, "Captives of Memory and the Work of Liberation," in which he examines three edited volumes dedicated to the problem of transmitting and preserving the memory of slavery and the influence of this memory on society.

Slavery and the Law

Through several concrete cases, this section examines the legal foundation of slavery and serfdom, as well as the ways that the laws that regulating slaves' lives in the US and those of serfs in Russia were enforced in practice.

Sergei Antonov's "The Laws of Slavery or the Slavery of Laws? Serf-ownership as a Legal System" discusses the complicated legal relationship between Russian serfdom and the judicial and legal system in eighteenth- and nineteenth-century Russia. He concludes that despite the legal clarification of individual aspects of serfdom in legislation and legal proceedings, overall the situation with the social institution of serf-ownership remained ambiguous. On the one hand, the basic feature of the legal status of landowners' serfs in the imperial period consisted in their being viewed as legally owned property. On the other hand, it remains unclear how this right to property was modified in practice and how it influenced the development of private-law norms in Russia. Furthermore, a law that would unequivocally determine the status of serfs as a form of property was actually never implemented.

In his "How American Law and the US Constitution Defined Slavery", **Paul Finkelman** offers a detailed analysis of the creation of legal foundations for the institution of slavery, first in the British North American colonies and then in the United States. The English legal system excluded slavery, but a foundation gradually began to appear in the colonies' local legislation (and subsequently in the US Constitution) according to which slaves were not considered people — legal subjects — but rather property. Finkelman examines the exact workings of this process, whereby black slaves were legally assigned the status of property belonging to whites. This practice led, on the eve of the Civil War, to the notorious *Dred Scott vs. Sandford* decision, when this status was legally confirmed for both slaves and the entire black population of the United States.

In her "Slavery, Liberalism, and Civil Law in Brazil", **Keila Grinberg** examines the creation of the Civil Code of Brazil, which though declared to be an urgent task in 1823 (immediately following national independence), nevertheless took another ninety-four years to be established. The main problem that stood in the way of developing a new legal code and provoked years of discussion was slavery. As long as slavery existed, the legal experts working on the Civil Code could not give legal definitions to concepts that they considered fundamental — such as equality and civil rights. Though it was not the only serious problem, the preservation of slavery

in Brazilian society was the main issue for those who were working hard toward promoting the appearance of a national civil code and creating a liberal society. These nineteenth-century legal experts were convinced that this could be brought about through legislation, but that it was impossible as long as Brazil remained home to citizens who had the status of things.

Slavery and Institutions

The articles in this section trace the influence that slavery had on institutions that often took shape many years after its abolition. These include educational institutions (as in the articles by **Maria Maiofis**, **Oleg Leibovich** and **Andrei Kabatskov**), the penitentiary system (**Marc Buggeln**) and other institutions. These studies show that many of these institutions are founded on the same principles of "man's exploitation of man" that were relevant to slavery and serfdom.

In his "Slavery and the Camp Systems in the 19th and 20th Century: From Private to State Slavery and Back Again", **Marc Buggeln** analyzes the Third Reich's system of concentration camps from the point of view that forced labor in modern societies can become a form of slavery (even if it is not officially identified in these terms). The concentration camps are compared to two other tragically notorious forms of forced labor — slavery in the American South prior to the Civil War, and the Soviet Gulag. Buggeln shows that the concept of slavery and slave-ownership in the twentieth century underwent changes: while in the nineteenth century slavery was based around the idea of the value of hard work (which did not meanwhile discourage slave-owners from murdering their slaves), in the forced-labor systems of Nazi Germany and Stalinist USSR, the dominant idea was that of cheap mass labor that carried no independent value at all. At the same time, the concentration-camp slavery in the Third Reich and the Soviet Union had a number of specific features that are brought to light through comparing the two phenomena.

In her "Boarding Houses of Standby Labor: The Formation of the Boarding School System in 1954—1964", **Maria Maiofis** discusses the history of large-scale Soviet boarding schools at the start of their existence. Her basic hypothesis is that the boarding schools were meant to provide answers to some of the most pressing questions of the time: what are the limits of the Soviet citizen's personal and political freedom, what are his/her basic obligations to the state, what is the state prepared to offer in return for fulfillment of these obligations, what kind of resources exist for the country's accelerated economic development, given the anticipated arrival of mature communism within twenty years, etc. Maiofis suggests that Nikita Khrushchev thought of the boarding schools as an unprecedented act of liberation of Soviet citizens, who had borne the burden of war and the immediate post-war troubles; at the same time, the boarding schools were meant to be an equally unprecedented act of enserfment (or enslavement) of Soviet children. And though Khrushchev's project was realized only in part, today's Russian boarding schools still show a family resemblance to their predecessors.

In the context of the historical concepts of the enslavement and emancipation

of social groups (S.M. Solovyov — A.D. Gradovsky), **Andrei Kabatskov**' and **Oleg Leibovich**'s "By Zeitgeist and taste…": The Associate Professor as Slave" examines the evolution of the social status of the university lecturer in Russia over the past century. They use the term 'slave' [*nevol'nik*] to describe the dependent position of the assistant professor; the word encapsulates administrative tyranny, the spread of 'subject' mentality in university contexts and the curtailment of opportunities for professional self-realization. The authors present the university administration as the main agent of assistant professors' enslavement — administrators simultaneously represent bureaucratic power and their own social ambitions.

In "Pan-Russian Military Beasts of Burden," **Alexander Golts** surveys the history of the Russian military. Pushing back against the idea that the institution of the army had a definitive influence on Russian self-awareness, Golts traces the history of this institution over the course of Russian modernity, beginning from the efficient military machine created by Peter the Great on the example of the Prussian army, and ending with the latest attempts to reform the Russian army by eliminating the holdovers it inherited from the eighteenth and nineteenth centuries. Russian military culture is based on the idea that the achievement of victory in war is determined, first of all, by having a multi-million-member standing army, and second, by having endless human reserves and the possibility of constantly replacing fallen soldiers with new replacements; and third, by the ability of the state to use administrative resources to concentrate all of the country's resources on defense. These premises have direct consequences for the state of Russian society as a whole, since the military is seen by both the elites and most of the population as the prototype of the country as such.

The section closes with "The History of Slavery as a Tourist Attraction," a review by **Ekaterina Lapina-Kratasiuk** on the collection *Slavery, Contested Heritage, and Thanatotourism*, which addresses how the tourist industry has used the memory of slavery and various material testimonies connected with slavery.

Slavery and Modes of Social Self-Determination

The final section of the special issue addresses the ways the historical experience of slavery has contributed to the identity of the concrete individual, and in what way the part of one's identity connected with slavery is reflected in culture: giving rise to embittered societal discussions (see the article from **Tomasz Zarycki**) and special kinds of social behavior (**Ilya Kalinin**), and influencing the image of the whole country that has a history of slavery (**Ivan Kurilla**).

Tomasz Zarycki's "Can There Be Agreement Between the Polish 'Pan' and 'Kham'?" The Intelligentsia Debates the Legacy of Serfdom and its Symbolic Vestiges in Poland" analyzes the discussions that have been going on for several years in the Polish press and scholarly literature regarding the legacy of serfdom: the unprocessed, suppressed 'peasant' identity of the majority of the country's population and its uncompensated injustice. These debates are part of broader disagreements regarding the contempo-

rary meaning of conflicts between the gentry and the peasantry in Polish history. In Zarycki's view, these are debates limited to the intelligentsia and carry a strong political flavor. Apologists for the gentry, i.e. the classical traditions of the Polish-Lithuanian Commonwealth and its elites, tend to adhere to conservative ideology, while those who criticize the remnants of serfdom in contemporary social relations and within the system of societal values tend to be educated liberals.

Vadim Mikhailin's "Sly and Lazy: The Slave as Anthropological Problem" discusses the phenomenon of slavery from the point of view of social anthropology. Here, the slave appears as a person who has lost his/her right to autonomous social self-representation and, correspondingly, to forging any kind of social relationships beyond the will of the master, i.e. the person who has seized and appropriated this right from the slave. Mikhailin also looks at the network of social connections and hierarchies that give rise to marginal and inferior social statuses (including that of the slave) and which create the perspective (of the slave-owner) necessary for even talking about 'marginality' and 'inferiority.' The social-anthropological approach to slavery illustrates Mikhailin's study of the slave-status of the Russian serf and of the social and intellectual consequences of serfdom in the later nineteenth and twentieth centuries.

The section continues with an article from **Ivan Kurilla**, "Slavery, Serfdom and the Shared Images of Russia and the USA." Russia and the United States preserved the institutions of forced labor and personal bondage longer than many other countries. The problems around their corrupting influence on the moral and intellectual condition of both slaves and masters were raised in the debates that preceded the abolition of both institutions in the two countries. For various reasons, including censorship and self-censorship by participants in these discussions, many aspects of the negative influence of slavery were examined through the experience of the other country: in Russia using the US as an example, and in the US — using the Russian Empire. Regardless of the substantial difference in the socio-economic and legal positions of the slave and the serf, the obvious similarity of the two institutions influenced the formation of shared images of Russia and America for a long time. Even after the abolition of slavery and serfdom, these images served as an argument in domestic political debates in both countries and long remained a subject for reflection in both societies.

Proceeding from materials relating to the "Time of Troubles", **Ilya Kalinin**'s "'To have no screen between this part he play'd and him he play'd it for': Slaves, Autocrats and Impostors (Dialectics of Power)" examines the phenomenon of imposture [*samozvanchestvo*] as one of the symbols of Russian political history from the early seventeenth to the mid-nineteenth century. The duration of the "impostor epidemic" coincides exactly with that of serfdom, and imposture itself can be described as a social reaction to a form of authority founded on total personal dependence. Much has been written about imposture accompanying serfdom. But the impostor has been examined as a figure opposed to the tsar, one dependent either on outside assistance or the support of the enslaved masses (or on both at once). However, imposture can be seen as objectifying the tension between absolute power and slavery, that is, the internal and reverse side of Russian autocracy itself, as well as a manifestation of its internal crisis generated by the clash of two versions of sovereign power: the patrimony [*votchina*] and the contract.

Table of contents No. 142 [6'2016]

SLAVERY'S AFTERMATH: INTELLECTUAL LEGACY AND CULTURAL MEMORY

Special issue. Vol. 2

THE VISUAL REPRESENTATION OF SLAVERY — II

7 *Amanda Brickell Bellows.* Post-Emancipation Representations of Serfs, Peasants, Slaves, and Freedpeople in Russian and American National Art, 1861—1905 (trans. Maria Kozlova)

26 Anke Giesen, Andrei Zavadsky, Artem Kravchenko. Between Slave Labor and Socialism Building. Notes on How the Labor of Gulag Prisoners Is Represented in Certain Russian Museum Exhibitions

45 *Marcus Wood.* Packaging Liberty and Marketing the Gift of Freedom: 1807 and the Legacy of Clarkson's Chest (trans. Maria Kozlova)

63 *Oxana Moroz.* Slavery as Trauma: Distilled Viewing (Review of: Slavery in Art and Literature: Approaches to Trauma, Memory and Visuality / Eds. B. Haehnel, M. Ulz. Berlin: Frank-Timme, 2010; Representations. 2011. Vol. 113. № 1: New World Slavery and the Matter of the Visual)

COMMEMORATIVE PRACTICES

78 *Gert Oostindie.* History Brought Home: Postcolonial Migrations and the Dutch Rediscovery of Slavery (trans. Nina Stavrogina)

93 *André Cicalo.* From Public Amnesia to Public Memory: Re-Discovering Slavery Heritage in Rio de Janeiro (trans. Nina Stavrogina)

110 *Elena Filippova, Vasily Filippov.* Fettered by the Same Chain. Remembering Slavery in French National History

129 *Alexander Dmitriev.* After Abolition: The 'Great Reforms' and the Thaw in Russian Historical Thought

167 *Abram Reitblat.* 'Do Russians Need Freedom?' A Survey of Publications Dedicated to the 150-year Anniversary of the Liberation of the Serfs

181 *Aleksey Vasiliev.* Captives of Memory and the Work of Liberation (Review of: Reinhardt C.A. Claims to Memory: Beyond Slavery and Emancipation in the French Caribbean. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006; Slavery and Public History: The Tough Stuff of American Memory / Eds. J.O. Horton, L.E. Horton. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009; Araujo A.L. Shadows of the Slave Past: Memory, Heritage, and Slavery. N.Y.; L.: Routledge, 2014)

SLAVERY AND THE LAW

197 *Sergei Antonov.* The Laws of Slavery or the Slavery of Laws? Serf-ownership as a Legal System

213 *Paul Finkelman.* How American Law and the American Constitution Defined Slavery (trans. Kristina Sarycheva)

249 *Keila Grinberg.* Slavery, Liberalism, and Civil Law in Brazil (trans. Natalia Movnina)

SLAVERY AND INSTITUTIONS

266 *Marc Buggeln.* Slavery and the Camp Systems in the 19th and 20th Century: From Private to State Slavery and Back Again (trans. Nina Stavrogina)

292 *Maria Mayofis.* Boarding Houses of Standby Labor: The Formation of the Boarding School System in 1954-1964

325 *Andrey Kabatskov, Oleg Leibovich.* By Zeitgeist and taste…": The Associate Professor as Slave

349 Alexander Golts. Pan-Russian Military Beasts of Burden

369 *Ekaterina Lapina-Kratasyuk.* The History of Slavery as a Tourist Attraction (Review of: Slavery, Contested Heritage, and Thanatourism / Eds. G.M.S. Dann, A.V. Seaton. N.Y.: Routledge, 2015)

SLAVERY AND MODES OF SOCIAL SELF-DETERMINATION

375 *Tomasz Zarycki.* Can There Be Agreement Between the Polish 'Pan' and 'Kham'?" The Intelligentsia Debates the Legacy of Serfdom and Its Symbolic Vestiges in Poland (trans. Abram Reitblat)

389 *Vadim Mikhailin.* Sly and Lazy: The Slave as Anthropological Problem

425 *Ivan Kurilla.* Slavery, Serfdom and the Shared Images of Russia and the USA

441 *Ilya Kalinin.* 'To have no screen between this part he play'd and him he play'd it for': Slaves, Autocrats and Impostors (Dialectics of Power)

465 Our Authors

467 Summary

474 Table of contents

Our authors

Sergei Antonov

(Queens College, City University of New York; affiliated scholar, History Department; Columbia University; adjunct assistant professor of history, The Harriman Institute; JD; PhD) saa2111@columbia.edu.

Amanda Brickell Bellows

(New York Historical Society and New School for Social Research; postdoctoral fellow; PhD) bellowsa@newschool.edu.

Marc Buggeln

(Humboldt University of Berlin; research fellow, Department of History, Faculty of Arts and Humanities I; PhD) marc.buggeln@geschichte.hu-berlin.de.

André Cicalo

(King's College London; associate researcher at the Brazil Institute; PhD) andre.cicalo@gmail.com.

Alexander Dmitriev

(leading researcher, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, The National Research University Higher School of Economics, Moscow) dualis@mail.ru.

Anke Giesen

(Otto-von-Gericke-Universität Magdeburg; MA in Slavic Studies) anke.giesen@st.ovgu.de.

Alexander Golts

(*Ezhednevnyj zhurnal*, deputy chief editor).

Keila Grinberg

(Federal University of the State of Rio de Janeiro (UNIRIO); associate professor, Department of History; PhD) keila@pobox.com.

Elena Filippova

(The Institute of Anthropology and Ethnography, leading researcher; dr. habil.) elena_filippova89@yahoo.fr.

Paul Finkelman

(Albany Law School; emeritus professor; University of Saskatchewan; visiting professor, College of Law; PhD) paul.finkelman@albanylaw.edu.

Vasiliy Filippov

(The Institute for African Studies, leading researcher; dr. habil.) fvrd@rambler.ru.

Andrey Kabatskov

(The National Research University Higher School of Economics, Perm; assistant professor, Faculty of Social Science and Humanities; PhD) afsnik@gmail.com.

Artem Kravchenko

(MSSES / RANEPA; MA in Public History) artemioskravchenko@gmail.com.

Ekaterina Lapina-Kratasyuk

(The National Research University Higher School of Economics, assistant professor, Faculty of Communications, Media, and Design) elapinakratasyuk@hse.ru.

Ilya Kalinin

(SPbGU, Associate Professor, Department of Liberal Arts and Sciences, PhD) i.kalinin@spbu.ru.

Ivan Kurilla

(European University at St. Petersburg; professor; Dr. habil.) ikurilla@eu.spb.ru.

Oleg Leybovich

(The Perm State Institute of Art and Culture; professor, head of Department of Cultural Studies and Philosophy; Dr. habil.) oleg.leibov@gmail.com.

Maria Mayofis

(RANEPA (Moscow); associate professor, School of Public Policy; senior researcher, Laboratory of Historical-Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities; PhD) mayofisml@ranepa.ru.

Vadim Mikhailin

(Saratov Chernyshevsky State University; professor, Department of Russian and World Literatures, Institute of Philology and Journalism; D. habil.) vmikhailin@yandex.ru.

Oxana Moroz

(RSUH; PhD) oxanamol@gmail.com.

Gert Oostindie

(professor, Leiden University; Royal Netherlands Institute of Southeast Asian and Caribbean Studies; PhD) Oostindie@kitlv.nl.

Abram Reitblat

(*New Literary Observer*; PhD) reitblat@nlo.magazine.ru.

Alexey Vasiliev

(RSUH; Institute for Central and Eastern Europe (Poland); PhD) vasal2006@yandex.ru.

Marcus Wood

(University of Sussex; associate professor, Department of English Language and Literature; PhD) M.M.G.Wood@sussex.ac.uk.

Tomasz Zarycki

(Warsaw University; professor; PhD) t.zarycki@uw.edu.pl.

Andrei Zavadski

(Freie Universität Berlin; MA in Public History) a.zavadski@fu-berlin.de.

Editorial board

Irina Prokhorova	PhD (chief editor)
Nikolay Poselyagin	PhD (theory)
Tatiana Weiser	PhD (history)
Alexander Skidan	(practice)
Abram Reitblat	PhD (bibliography)
Vladislav Tretyakov	PhD (bibliography)
Kirill Korchagin	PhD (chronicle of scholarly life)

Advisory board

Konstantin Azadovsky
PhD

Henryk Baran
PhD, State University of New York at Albany, professor

Nikolay Bogomolov
Dr. habil. Lomonosov Moscow State University, professor

Tatiana Venediktova
Dr. habil. Lomonosov Moscow State University, professor

Elena Vishlenkova
Dr. habil. National Research University Higher School of Economics, professor

Tomáš Glanc
PhD, Humboldt-Universität zu Berlin, professor / Charles University in Prague, professor

Hans Ulrich Gumbrecht
PhD, Stanford University, professor

Alexander Zholkovsky
PhD, University of South Carolina, professor

Andrey Zorin
Dr. habil. Oxford University, professor Russian Presidential The Moscow school of social and economic sciences, professor

Boris Kolonitskii
Dr. habil. European University at St.-Petersburg, professor / St.-Petersburg Institute of History, RAS, leading researcher

Alexander Lavrov
Dr. habil. Full member of Russian Academy of Sciences Institute of RussianLiterature (the Pushkin House), RussianAcademy of Sciences, leading researcher

John Malmstad
PhD, Harvard University, professor

Alexander Ospovat
National Research University — Higher School of Economics, professor

Pekka Pesonen
PhD, University of Helsinki, professor emeritus

Oleg Proskurin
PhD, Emory University, professor

Roman Timenchik
PhD, The Hebrew University of Jerusalem, professor

Alexander Etkind
PhD, King's College, Cambridge University, professor

Mikhail Yampolsky
Dr. habil. New York University, professor

(Nravstvenno-politicheskiy otchet za 1839 god // Rossiya pod nadzorom. Otchety III otdeleniya 1829—1869. Moscow, 2006.)

[Сахаров 1996] — *Сахаров А.Д.* Воспоминания: В 2 т. М.: Права человека, 1996. Т. 1.

(*Sakharov A.D.* Vospominaniya: In 2 vols. Moscow, 1996. Vol. 1.)

[Соловьев 1984] — *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984.

(*Solov'ev S.M.* Publichnye chteniya o Petre Velikom. Moscow, 1984.)

[Струве 1934] — *Струве В.В.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 77.

(*Struve V.V.* Problema zarozhdeniya, razvitiya i razlozheniya rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka // Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury. 1934. Vol. 77.)

[Сумароков 1957] — *Сумароков А.П.* Избранные произведения. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1957.

(*Sumarokov A.P.* Izbrannye proizvedeniya. Leningrad, 1957.)

[Указ 1940] — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. о переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений // Известия. 1940. 27 июня.

(Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyunya 1940 g. o perekhode na vos'michasovoy rabochiy den', na semidnevnuyu rabochuyu nedelyu i o zapreshchenii samovol'nogo ukhoda rabochikh i sluzhashchikh s predpriyatiy i uchrezhdeniy // Izvestiya. 1940. 27 June.)

[Хартанович 1999] — *Хартанович М.Ф.* Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб.: Наука, 1999.

(*Khartanovich M.F.* Uchenoe soslovie Rossii. Imperatorskaya Akademiya nauk vtoroy chetverti XIX v. St. Petersburg, 1999.)

[Шевченко 2014] — *Шевченко Д.* Общество мертвых доцентов. Реформа высшего образования приводит к безработице среди преподавателей вузов // Йод. 2014. 9 октября (http://yodnews.ru/2014/09/10/education).

(*Shevchenko D.* Obshchestvo mertvykh dotsentov. Reforma vysshego obrazovaniya privodit k bezrabotitse sredi prepodavateley vuzov // Yod. 2014. 9 October.)

[Шишлов 2003] — *Шишлов А.* Повышение зарплаты бюджетникам возможно с 1 апреля. На вопросы читателей отвечает Александр Шишлов // Известия. 2003. 16 января (http://izvestia.ru/news/271808).

(*Shishlov A.* Povyshenie zarplaty byudzhetnikam vozmozhno s 1 aprelya. Na voprosy chitateley otvechaet Aleksandr Shishlov // Izvestiya. 2003. 16 January.)

[Шляпентох 2008] — *Шляпентох В.* Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008.

(*Shlyapentokh V.* Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyy rakurs postsovetskoy ery. Moscow, 2008.)

[Шушкова 2010] — *Шушкова Н.В.* Социология современного патернализма. Вашингтон: РусГенПроект, 2010.

(*Shushkova N.V.* Sotsiologiya sovremennogo paternalizma. Washington, 2010.)

[Экштут 2011] — *Экштут С.А.* Тютчев: Тайный советник и камергер. М.: Вече, 2011.

(*Ekshtut S.A.* Tyutchev: Taynyy sovetnik i kamerger. M.: Veche, 2011.)

[Chomsky 2014] — *Chomsky N.* On Academic Labor // Counter Punch. 2014. 28 February (http://www.counterpunch.org/2014/02/28/on-academic-labor/).

[Filtzer 1996] — *Filtzer D.* Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928—1991 // International Labor and Working-Class History. 1996. № 50. P. 9—28.

[Lewis 1966] — *Lewis O.* La vida: A Puerto Rican Family in the Culture of Poverty. San Juan; New York: Random House, 1966.

[Lewis 1968] — *Lewis O.* Culture of Poverty // On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences / Ed. by D.P. Moynihan. New York: Basic Books, 1968.

[Lorenz 2012] — *Lorenz Ch.* "If You're So Smart, Why Are You under Surveillance?" Universities, Neoliberalism, and New Public Management // Critical Inquiry. 2012. № 3. P. 599 — 629.

[Roberts, Donahue 2000] — *Roberts K., Donahue K.* Professing Professionalism: Bureaucratization and Deprofessionalization in the Academy // Sociological Focus. 2000. Vol. 33. № 4. P. 365—383.

[Schwartz 2009] — *Schwartz O.* Vivons-nous encore dans une société de classes? Trois remarques sur la société française contemporaine // La vie des idées. 2009. 22 septembre (http://www.laviedesidees.fr/Vivons-nous-encore-dans-une.html).

[Shengjian 2004] — *Shengjian Z.* The City — Map and Consumerism Ideology // Shanghai: Its Urbanization and Culture. Washington: RVP, 2004. P. 125—140.

[Stephenson 2015] — *Stephenson S.* Gangs of Russia: From the Streets to the Corridors of Power. Ithaca: Cornell University Press, 2015.